

Борис Наумов

Разум нужен всем

16+

Борис Наумов
Разум нужен всем

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Наумов Б. П.

Разум нужен всем / Б. П. Наумов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-96866-0

Аппарат для управления мыслительной энергией усовершенствуется, получена возможность отделять энергию мозга от самого человека и формировать из неё самостоятельное живое существо. Контакты генианцев с людьми приводят к образованию генианско-земной семьи. Люди в образе отделившейся энергии неоднократно посещают Генианию, сталкиваясь при этом с курьёзными и неожиданными обстоятельствами. Криминальные элементы снова для своих целей стремятся воспользоваться научными достижениями, но терпят полное фиаско.

ISBN 978-5-532-96866-0

© Наумов Б. П., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	22
Глава 6	28
Глава 7	29
Глава 8	34
Глава 9	37
Глава 10	40
Глава 11	45
Глава 12	49
Глава 13	51
Глава 14	54
Глава 15	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Борис Наумов

Разум нужен всем

Посвящаю эту повесть моим детям Евгению и Оксане а также всем внукам

Герои настоящей повести действуют, а события происходят в то же время и в тех же условиях, которые были описаны в первой части «Только разум»

Глава 1

– Светочка, иди, пожалуйста, к Анюте. Не могу я успокоить её, то она плачет, то затихает и снова начинает кричать, – Анастас ходил по комнате, держа на руках маленькую дочку. Он тихо её качал, потом, когда она опять подавала голос, поднимал высоко и бережно опускал. А она, его Анютка, никак не хотела спокойно засыпать и заливалась громким плачем, не объясняя причину такого поведения. Дочери Анастаса и Светланы уже исполнился один год, она хорошо говорила, шлёпала босыми ножками по квартире и удивляла своих родителей разными вопросами, каким-то необыкновенным, не детским логическим мышлением.

А сейчас Анастас не мог понять поведения Анютки, никакие его слова и припевы детских песенок не действовали на неё. Она продолжала всхлипывать, вызывая раздражение отца.

– Сейчас, дорогой, я подойду, – послышался голос Светланы из кухни, где она заканчивала готовить ужин и, одновременно, обед на завтра для себя и кушанье для своей малютки. – Она, наверное, есть хочет. Спроси у неё.

– Не хочет она мне отвечать, и сама ничего не говорит. Я давно не видел её такой. Может быть, у неё что-то болит?

Анастас продолжал попытки успокоить дочку и, видя бесполезность своих действий, ещё более терялся и раздражался.

– Что ты хочешь, Анюточка? Что болит у тебя? Скажи или покажи мне. Если ты будешь продолжать плакать, я не смогу тебе помочь. И мама ничего не сделает. Ты хочешь кушать? Ты голодна?

В ответ – только новые всхлипывания и непонятные бормотанья.

Светлана, закончив дела в кухне, быстрым шагом подошла к дочери и хотела взять её на руки. Анюта на миг замолчала, потом снова заплакала и только крепче прижалась к отцу.

Анастас и Светлана переглянулись и, пожав одновременно плечами, однозначно выразили своё непонимание странного поведения дочери.

– Анюточка, ты уже большая, скажи нам, что ты хочешь? Что у тебя болит? Ты хочешь есть?

Анюта слышала вопросы матери, но отвечать ничего не стала. Обняв Анастаса за шею и, прижимаясь к нему ещё крепче, она, как-то обидно для матери, махнула в её сторону ручкой.

– Дочка, что же с тобой? Как ты ведёшь себя? Скажи, чем тебе помочь? – ещё более удивляясь и тревожась, спросила Светлана.

Папа сел на диван и посадил на колени дочку. Она затихла и, глядя исподлобья на Светлану, долго сидела, молча, и неподвижно.

– Может быть, вызвать врача? – спросила мужа Светлана, – Ведь, никогда раньше, даже, когда была совсем маленькой, так возбуждённо она себя не вела.

– Не знаю, Светочка. Давай подождём пока, может быть, всё обойдётся.

– Хорошо, дорогой. Посмотрим.

Уже почти два года Светлана и Анастас живут вместе. Они поженились через месяц после выхода Светланы из больницы. Сначала она была совсем слабенькой, но молодой организм энергично боролся с болезнью и вскоре дела быстро пошли на поправку.

Свадьба была скромная и тихая, совсем не такая, какую планировали влюблённые после обоюдного решения пожениться и на какую рассчитывали друзья и сотрудники «молодых».

Перенесённые страдания и горе, которые выпали на долю жениха и невесты, только ещё более сблизили их и укрепили принятое ранее решение соединиться и идти по жизни вместе. А любовь стала ещё сильнее и надёжнее, тяга к взаимности была непреодолимой.

Трудно сказать, чем для Анастаса и Светланы были те ужасные события, которые произошли с ними два года тому назад: наказанием за какие-то преступления или проверкой их

чувств. Да, они и не пытались их анализировать, они выжили, они остались вместе, они любили друг друга! И это главное в их жизни. Всё остальное – проходящее и теперь уже полузабытое.

Вот только Наталья Андреевна не смогла пережить всё случившееся. Её, не совсем крепкое здоровье, было окончательно подорвано, и она длительное время не могла вставать на ноги. Больница, лекарства, процедуры, уколы надолго стали неотъемлемой частью её существования. Даже волшебное выздоровление дочери и её соединение с Анастасом не смогли помочь матери справиться с болезнью. Она больше лежала, смотрела грустными, полными слёз глазами, на, проходящую к ней, любимую дочку. И сквозь эту грусть в её взгляде угадывались чувства радости от сознания того, что её дитя нашла своё счастье. Таковы необъяснимые материнские чувства: своя жизнь, собственное здоровье на втором месте после ощущения и сознания благополучия своего чада.

Почти год пролежала Наталья Андреевна после трагических событий, не выдержала она последствий страшного удара, и, как ни боролся за жизнь её организм, всё было напрасно. Не дождалась она появления на свет внучки. А жаль! Может быть, хоть эта радость придала бы ей дополнительные силы и она, всё же победила бы недуг. Но, увы! Не суждено было ей посмотреть на маленькую крошку, и она, однажды утром, тихо ушла из жизни.

Тем временем день уже заканчивался, сдавая свои права, приходящей ему на смену, ночи. Как правило, Аня в эту пору уже посапывала в своей кровати, а счастливые родители занимались своими делами. Но сегодня..., сегодня что-то происходило с малюткой, и она никак не хотела укладываться в кровать.

Анастас чувствовал, как дочка, обнимая его, прижималась своим телом и не отпускала его ни на минуту. Только, время от времени, когда её ручки уставали, она меняла свою позу, поворачивалась, усиливая, при этом, громкость своих всхлипываний.

– Я вызову «скорую помощь», Стасик. Пусть посмотрит её врач: мне, почему-то тревожно, – снова обратилась Светлана к мужу.

– Не надо, Светочка, она скоро успокоится и заснёт, – не соглашался Анастас, прижимая к себе маленькое тельце. – Вот она уже затихает.

И долго ещё в доме витало беспокойство, пока, наконец, Аня, усталая от плача и затянувшейся бессонницы, не притихла и не уснула на руках Анастаса. Он мягко и нежно положил её в кроватку, укрыв тёплым одеяльцем.

– Как-то странно ведёт себя дочка, – шёпотом обратилась Светлана к мужу. – Даже, когда она была крошкой, не вела себя таким образом.

– В последние дни я стал замечать за ней какие-то непонятные перемены: то она шумная, болтливая, то снова затихает на несколько минут, словно, задумывается о чём-то.

– Слишком ещё рано задумываться. Вся жизнь впереди.

– А ты, Светочка, не обращала внимания на её взгляд, на глаза, когда она тихо сидит? – спросил Анастас.

– Обращала, Стасик. Взрослеет наша дочка, вот и появляются у неё новые привычки, движенья, выраженья лица. Не успеем и глазом моргнуть, как в школу пойдёт, а там и...

– Ну, ну, дорогая, не спеши жить. Мы ещё успеем насладиться прелестями детства нашей дочурки. Да, и других дел у нас не впроворот.

– Это так, но мне иногда становится грустно оттого, что дочка взрослеет, и мы, при этом теряем что-то необъяснимое, незаметное, связанное с Аней. Какие-то мгновенья, минуты счастья или наслаждения уходят безвозвратно.

– Но, появляются новые мгновенья, другие поводы для ощущения счастья. И так будет всегда, до тех пор, пока мы будем родителями, а она нашей дочерью. Кроме того, Светочка, – хитро посмотрев на жену, продолжал Анастас, – у нас всегда остаётся возможность вновь повторить мгновенья и возродить причину для их появления.

– Я уже думала об этом, дорогой...

– И что же? – прервал Светлану муж.

– Считаю, надо подождать ещё немного. Вот и ты снова взялся за свои дела, меньше времени стал уделять нам с дочуркой. Давай потерпим немного, посмотрим, как будут развиваться события.

– Какие события, Светочка? Это жизнь. Наша жизнь. И всё в наших руках. Как мы её построим, такова она и будет.

– И всё же – рановато думать об этом, – подвела Светлана итог разговору о новом счастье, – давай, лучше, поужинаем немного, хотя уже поздно это делать. Но, не зря же я на кухне возилась целый вечер.

– Пойдём, Светик, я тоже голоден.

Казалось бы, всё у них в семье было, как и в других семьях: обеды, ужины, разговоры и ласки, хоть, и не часто, но бывали и ссоры.

Анастас, занятый заботами сначала о беременной жене, потом – о маленькой дочери и, продолжая, при этом работать в институте, как будто забыл о встречах с Иллианием, о продолжении работ над своими изобретениями, о мечтах и планах, которые заполняли его жизнь после встреч с генианцами. Но, теперь всё чаще и чаще стали появляться у него в голове мысли о возобновлении работ, об усовершенствовании мыслетрона. Да, что греха таить, уже много раз он вспоминал о генианцах и даже пытался мысленно говорить с ними, но, нет..., только односторонний получался разговор. Давно не посещали генианцы Землю, а если они и появлялись на нашей планете – Анастас этого не знал. Может быть, они бывали здесь и, видя определённую сложность жизни Анастаса, не входили с ним в контакт. Наверно, они, в силу своего высокого интеллектуального и социального развития, понимают, что человеку в какое-то время нельзя мешать или отвлекать его от забот о возрождении новой жизни, воспитанию маленького человека. Но это всё предположения, а так ли это на самом деле – Анастасу было неизвестно.

Одно он точно понимал – его мозговой потенциал за прошедшее после встречи с генианцами время не только не уменьшился, но и, вероятно, возрос.

Он стал руководителем лаборатории, которая «отпочковалась» от подразделения Пал Палыча. Тот сначала протестовал и сильно переживал при объявлении руководством института планов о разделении его лаборатории и создании новой – под руководством Одинцова. Но изменить он ничего не мог, так как открывались новые темы разработок и, в рамках старой лаборатории, с ними было трудно справиться.

А Одинцов был лучшим специалистом института в области исследования мозга. И эти новые темы удивительным образом перекликались с направлением личных разработок Анастаса после встреч с генианцами.

Руководство института отлично понимало, что Одинцов – один из всех – способен возглавить новую лабораторию. Теперь она окончательно стала называться «отделом по исследованию мозговых полей и аналитических возможностей человека». Немалый вклад и сам Одинцов своими личными разработками внёс в «пробивание» таких исследований на уровне института.

Часть сотрудников из лаборатории Пал Палыча ушла вместе с Одинцовым в новый отдел. Одинцов сам отбирал людей и предлагал им работу в своём отделе. Прежде всего, это были его друзья, которые не один год бок о бок трудились рядом с ним и, которые были не только профессионалами в работе, но и людьми с юмором, способными без обид пошутить и посмеяться друг над другом. Часть новых людей пришла из других отделов и лабораторий, и появилось несколько молодых специалистов, пришедших сюда после окончания учебных заведений.

Сначала было трудно организовать работу в отделе, ведь, кроме прямых исследовательских работ, необходимо было заниматься и административной рутинной. А в этой области у Одинцова опыта было мало.

Светлана знала о загруженности мужа в институте и никогда не пыталась упрекнуть его в том, что он недостаточно времени уделяет семье. Надо сказать, что сам Анастас проявлял

чудеса изворотливости и, при малом количестве времени, проводимом в семье, он всё делал для любимой жены и для своего «солнышка» – дочки Анютки.

Возможно, не последнюю роль в этом сыграло и то обстоятельство, что Одинцов и Светлана, имея близкие по частоте мыслительные энергии, часто не разговаривали, но понимали друг друга без слов. И это происходило не только на уровне чувств или желаний, как у других влюблённых пар, но и на уровне общения, обмена мнениями и даже споров по какому-нибудь поводу. Анастас своим сильным мозговым полем, много времени находясь рядом со Светланой, «накачал», как он говорил об этом, её мозговой потенциал, и теперь им не надо было обязательно произносить слова, общаясь друг с другом.

Это – удивительный способ общения мужа и жены! Молча, не произнося ни одного слова, они могли делать одно дело или одновременно начать собираться на прогулку, одевая, при этом, дочурку или, складывая какие-то необходимые вещи. Вот, только странно выглядит момент, когда у них возникает конфликт или разногласие. При полной внешней, молчаливой согласованности действий, вдруг, они начинают говорить голосом, громко выражая, при этом, свою позицию. Ругаться, молча, нельзя! Видимо, это свойство мозга, эмоциональное состояние которого, может передаваться только звуком, словами, произнесёнными вслух.

Как настоящий исследователь, Анастас давно заметил и определил для себя задачу – в будущем заняться этим и, возможно, разгадать такой феномен мозга.

Есть ещё одно обстоятельство, на которое надо сейчас обратить внимание. Физическое развитие маленькой Анюты вполне соответствовало медицинским нормам развития ребёнка по дням и месяцам. Она была живой, смешливой, забавной, иногда неуклюжей, временами болела и выздоравливала. Словом, всё, как у людей.

Только одно отличало Анюту от других детей – её умственное развитие. Это замечали не только Анастас со Светланой, но и медицинские работники, и друзья, приходившие в гости к Одинцовым.

К пяти – шести месяцам Анютка, лёжа в кровати и занимаясь своими делами, например, рассматривая пальчики на руках, вдруг замирала и внимательно смотрела то на отца, то на мать, которые, как часто бывало в последнее время, разговаривали молча. Она, словно понимала их разговор, и поворачивала головку в ту сторону, где находились, «говорившие» в это время отец или мать. Наверно, она, ещё не зная слов, не могла понять смысла разговора, но, кто в данный момент говорит, она чётко определяла.

Конечно, своих детей до появления Анютки у Одинцовых не было, и им трудно иногда было определить, что в развитии ребёнка является нормальным, а что – отклонением. Хотя, теоретически они кое-что знали и могли догадываться о необычном проявлении в поведении и развитии своего ребёнка.

Анастас, однажды, пытался поговорить об этом со Светланой, но она его не поддержала.

– Знаешь, Светочка, мне кажется, что Анютка улавливает наши с тобой мысли.

– Наша Анюточка чувствует нас с тобой всем своим нутром, ведь, мы её родители. Инстинкт, дорогой мой.

– Не знаю, не знаю. Может быть, и так. Но, иногда мне кажется, что она меня слышит.

– А, если, кажется, знаешь, что надо делать?

На этом разговор был закончен.

Проснувшись утром, Светлана подошла к кровати дочери и удивилась – та лежала с открытыми глазами, молчала, но никак не отреагировала на появление матери.

– Доченька, что с тобой? У тебя что-то болит? Ответь мне. Где у тебя болит?

Ответа не было, и только слабый поворот головы малышки в сторону матери указывал на то, что она, действительно, не спит и слышит свою мать.

Светлана взяла её на руки, поцеловала в щёчку и пошла к Анастасу.

– Что с ней происходит, Стас? Она, как не живая – молчит и почти не двигается.

– Не знаю, Светик. Как голова? Температуры нет?

– Нет температуры, и на боли она не показывает.

Мама с трудом покормила дочку – та вяло и долго жевала своим беззубым ртом, потом проглатывала еду и совсем без охоты снова открывала ротик.

– Я пойду сейчас к врачу, – сказала Светлана, провожая мужа на работу. Сама она в институт не ходила, была в отпуске по уходу за ребёнком.

– Хорошо, Светочка. Я побежал. Позвони мне потом, я буду волноваться.

– Обязательно, Стас.

И он торопливо выскочил из квартиры, чтобы вовремя успеть на работу.

Врач-терапевт внимательно осмотрела девочку и, не обнаружив каких-либо признаков болезни, посоветовала Светлане обратиться к детскому невропатологу. Но, и тот не смог определить причину странного поведения Анюты и только рекомендовал маме понаблюдать за дочерью несколько дней и потом, если будет нужда, снова прийти в поликлинику.

Светлана вернулась домой и позвонила Анастасу.

– Стасик, врачи ничего не обнаружили, сказали, понаблюдать несколько дней за Анюточкой.

– Ну, и хорошо, дорогая, понаблюдаем. Я сейчас не могу долго разговаривать – у меня совещание. Пока.

Глава 2

– Всё прошло нормально, отец, я смог войти в контакт с девочкой, – сказал Иллиан своему отцу.

– Анастас тебя не обнаружил? Надеюсь, ты не сильно воздействовал на мозг маленького человечка?

– Нет, отец. Я был предельно осторожен, мощность моего поля была минимальной, а контакт происходил короткое время и с помощью очень узкого, строго направленного луча. Ни Анастас, ни мама ребёнка ничего не ощущали.

– Хорошо, сынок, больше пока не приближайся к девочке, – сказал Иллианий, – это может повредить её, ещё совсем слабенький, мозг, и тогда мы не сможем качественно и достоверно наблюдать за появлением и развитием человека.

– Я понял, отец. Так я и сделаю.

За прошедшие два земных года с момента первого контакта генианцев с Анастасом, они ещё не раз появлялись на планете Земля, изучая землян и, восстанавливая, таким образом, далёкое прошлое жителей Гениании. Но, за всё это время только один раз они общались с Одинцовым и позволили ему побывать на их прекрасной планете. Все дальнейшие планы генианцев и события, происходившие в жизни Анастаса, не требовали продолжения встреч генианцев ни с Одинцовым, ни с Серёжей Умаровым. Человеку трудно, без согласия генианцев, проследить или хотя бы познакомиться с разными установленными контактами и проводимыми ими работами за эти два года.

Одной из проблем, которой решили заниматься генианцы и, которая вновь нас столкнула с ними – является проблема внимательного наблюдения за жизнью человека с момента его зачатия, потом – рождения, и до конца его дней. И лучшим объектом для такого наблюдения и изучения, как они определили, явилась дочка Анастаса и Светланы. Ход их рассуждений и доводов, при этом, нам – землянам – трудно понять. Возможно, одним из критериев такого выбора стала их прошлая встреча и общение с отцом девочки, что, по их мнению, в дальнейшем поможет прояснить какие-нибудь моменты и упростит налаживание будущих контактов с родителями ребёнка, которые ранее их уже имели. Эти родители не будут удивлены появлению генианцев на Земле и выбором их ребёнка для наблюдений и изучения.

Так, наверно, думали и так решили генианцы. А будет ли этот выбор одобрен Анастасом – заранее сказать невозможно, тем более, что все бурные события, происходившие в жизни Одинцова за последние два года, почти оторвали его не только от воспоминаний о пришельцах, но и от практической деятельности по воплощению в жизнь планов, возникших при его встречах с инопланетянами.

Иллиан вместе с родителями неоднократно появлялся на Земле, и каждый раз он вспоминал о своём друге Серёже Умарове. Но, ни разу у него не было возможности вступить с ним в контакт: то они приземлялись в других местах нашей планеты, вдалеке от места проживания Серёжи, то Иллиан вместе с родителями занимался другими наблюдениями на Земле.

Иллианий постоянно и внимательно следил за жизнью Одинцова, находясь, при этом, только в режиме приёма информации от него. Он знал о планах Одинцовых родить ребёнка и тут же воспользовался возможностью наблюдать за его развитием, начиная с момента зачатия.

Прошло два года после встречи генианцев с Анастасом и Серёжей. Иллиан стал взрослее и привлекался отцом к более серьёзным, не детским проблемам на планете Земля. Несмотря на это, теперь, вновь появившись в районе проживания Сергея Умарова, он непременно захотел найти его и вступить с ним в контакт. Иллианий не стал препятствовать такому желанию сына и только напомнил о том, что Серёжа мог за два года потерять часть приобретённого им

мозгового энергетического потенциала, и новый близкий и длительный контакт с Иллианом может повредить ему.

– Я уже не маленький, отец, и всё понимаю – отвечал ему Иллиан. И как это было похоже на ответ какого-нибудь земного мальчика, если отец давал тому советы. – Я попытаюсь найти Серёжу и узнать всё о его жизни.

– Всё узнать о прошедшей за два года жизни Серёжи сложно. Ты же знаешь, Иллиан, что в человеческой памяти не всё сохраняется, а то, что остаётся, не всегда доступно нам.

– Да, отец, я знаю об этом. Я, конечно, не смогу залезть к нему в память, но при разговоре я постараюсь кое-что выяснить.

– Будь осторожен, сынок.

Иллиан пытался сначала найти и вызвать Серёжу на контакт путём кругового обзора пространства. Было трудно определить место нахождения Серёжи, но импульсы от него всё же попали в поле прослушивания Иллиана, и он начал поиск путём сканирования узким энергетическим лучом.

«Да, вот он, здесь Серёжа», – обрадовавшись появлению импульсов мозгового поля Сергея, подумал Иллиан. Понаблюдав ещё некоторое время и, помня совет отца, Иллиан отвёл энергетический луч от места нахождения Серёжи и стал заниматься своими делами.

Серёжа Умаров, действительно, повзрослев на два года, стал другим человеком. И, хотя его мозговой потенциал уменьшился, окружающим его людям он не казался рядовым мальчиком. Четырнадцать лет для мальчика – это самое бурное время: детство уже уходит, а взрослая жизнь ещё не наступила. Таков был и Серёжа, но только – физиологически. В умственном развитии он далеко превосходил своих сверстников.

Серёжа закончил десятый класс – последний год обучения в школе, поступил в университет и удивлял своих старших по возрасту однокурсников и преподавателей обширными знаниями, глубокими размышлениями и неожиданными выводами по тому или иному вопросу.

Изредка, Серёжа встречался с Анастасом, но почти никогда не заводил разговор ни о генианцах, ни о мыслетроне. Так же вёл себя и Одинцов. У каждого из них была своя жизнь, свои заботы. Но, так или иначе, прошлое не выбросишь из памяти, а, тем более, такое неординарное событие, как контакт с инопланетянами.

Серёжа был на лекции по математике, когда ощутил в голове некоторое шумовое воздействие. Он сразу вспомнил встречи с Иллианом двухлетней давности.

Сергей отвлекся от той мысли, которую излагал лектор, и посмотрел на сидящих вокруг студентов. Все внимательно слушали говорившего и записывали его слова в тетради. Серёжа закрыл на миг глаза, встряхнул головой, пытаясь восстановить прежнее состояние. Но шум в голове продолжался.

Ещё минута – и Серёжа вновь приобрёл рабочее состояние.

Давно не было у него таких ощущений, и теперь тревожно и радостно стало на душе мальчика. Слова лектора слышались ему откуда-то издалека и неразборчиво. Как ни старался он включиться в учебную атмосферу, это ему не удавалось. Сумбурные мысли и воспоминание о недалёком прошлом, в раз захватили его. А, ведь, это было всего-то кратковременное и маломощное воздействие энергетического поля Иллиана на мозг Сергея. Видимо, прошлое их общение безвозвратно перестроило его структуру, и теперь хватило даже такого короткого контакта, чтобы мозг вновь приобрёл прежний энергетический потенциал.

На втором курсе университета Серёжа считался лучшим студентом по успеваемости. И удивительно, сам он, того не понимая, каким-то образом подталкивал одногруппников к повышению успеваемости.

Наверно, они – восемнадцатилетние молодые люди – видя успехи малолетнего студента, невольно стремились не отставать от него. Стыдно было при опросах преподавателя молчать, не зная материала и, слыша ответы Серёжи Умарова.

Год тому назад, когда Вова учился в седьмом классе, а Серёжа был уже в университете, в семье Умаровых стали происходить необъяснимые события. Понимающие раньше с полуслова, братья стали незаметно отдаляться друг от друга. Они меньше времени проводили вместе, ведь, у них теперь были разные интересы. Да, и что греха таить, разница в уровне развития братьев постоянно приводила к возникновению ссор и даже драк.

Серёжа пытался помочь Володе понять изучаемый в седьмом классе материал, а тот, или, действительно, не понимал, или, назло брату, делал вид, что ему это не под силу усвоить. Серёжа злился, снова старался более доходчиво всё объяснить, но, напрасно. Начиналась ссора и разлад братских отношений.

Можно понять Вову – совершенно одинаково развивающиеся до шестого класса близнецы, вдруг, стали заниматься разными делами. У Серёжи появились тайны и новые друзья. Он стал центром интереса со стороны окружающих и даже родителей. Хотя, конечно, родители одинаково сильно любили обоих братьев, но всё же, они чаще обращались к Серёже, советовались с ним и, в спорных случаях, делали так, как говорил Серёжа. Вова всё это видел, и ему было обидно, что его мнение никого не интересует, а если и спросят о чём-нибудь, только для того, чтобы в очередной раз напомнить, что Серёжа это не так понимает и делает по-другому.

Так день ото дня жизнь и отношения братьев изменялись и ухудшались. Вова стал больше времени проводить во дворе без своего брата. Там мальчишки тепло принимали его и этим ещё более отдаляли от Сергея. Им не нравилось выделение брата из их среды, и они считали, что тот «зазнался, вознёсся».

Серёжа знал об этом, хотел сначала, как-то выровнять ситуацию, но ребята всё равно сторонились его. Потом студенческие дела и новые старшие друзья закружили его в повседневных заботах, и он совсем перестал бывать во дворе со сверстниками.

– Серёжа, ты бы поиграл во дворе с ребятами и с Вовой, – как-то обратилась к сыну Вера Никифоровна, – сидишь целыми днями над книгами: можно с ума сойти. Да и здоровье своё подорвёшь.

– Мне не интересно с ними, мама. У них – ещё, совсем детские забавы, не серьёзные они какие-то.

– Но, ведь, они твои сверстники, Серёжа. Друзья, в конце концов.

– Сверстники – да. А друзья ли? Я бы не сказал, что мы дружны.

– Кто же у тебя в друзьях? Может быть, Анастас?

– И он, мама, и университетские товарищи.

– Ну, хорошо, хорошо. Только для здоровья, всё равно, надо чаще бывать на свежем воздухе.

– Да, мама, ты права, я постараюсь.

На этом их разговор был закончен, и Серёжа снова стал листать книгу, лежащую перед ним на столе.

Вова слышал этот разговор, но вступать в него не стал. Только новый прилив обиды на брата за его пренебрежительное отношение к нему, к его, а также и к бывшим Серёжиным, одноклассникам, к ребятам во дворе вызвали какую-то злобу. Не закончив делать домашние задания, в укор Серёже, он решил пойти во двор.

– Я должен отдохнуть, мама, мозги проветрить, – бросил он матери перед тем, как выскочить за дверь.

– Хорошо, Вова. Со двора никуда не уходи, – мама ещё не позволяла ему уходить с ребятами в другой двор. А Серёже, хотя его возраст был такой же, как и у Володи, разрешалось в любое время ходить к друзьям, в университет или в библиотеку. Это тоже часто служило поводом для обиды Вовы, и он старался незаметно уйти со двора, как бы, по мнению Володи, приравнивая себя к повзрослевшему брату-близнецу.

Выйдя во двор, Володя не увидел своих друзей, и только двое ребят из соседнего двора стояли возле столба с каким-то незнакомым, более взрослым парнем. Один из этих ребят тоже учился в восьмом классе, а второй – не ходил в школу вообще. Он пытался поступить в училище, но не смог и вот теперь болтался целыми днями во дворе.

Вова сел на скамейку возле детской площадки и стал ждать появления кого-нибудь из своих друзей. Спустя несколько минут, один из ребят – Олежка из восьмого класса – подошёл к Володе и тихо, почти шёпотом, спросил:

– О чём скучаешь, Вовик?

– Ни о чём я не скучаю. Просто я жду ребят, которые скоро должны подойти сюда, – громко, не поддерживая загадочного шёпота Олега, ответил Володя и соскочил со скамейки.

– Постой, зачем ждать? Подходи к нам, будем дружить. У нас есть кое-что интересное, – не отступал Олежка.

– Что у вас интересного?

– А ты подходи, и сам увидишь.

– Да, мне не хочется... – ещё сомневаясь в нужности такого шага, ответил Володя.

– Иди, иди, не бойся, ты не пожалеешь.

И Володя, не дождавшись своих друзей, пошёл вслед за Олежкой. Поджидавшие их двое ребят, загадочно улыбнувшись, протянули руки навстречу Володе и, совсем по-взрослому, поздоровались с ним.

– Привет, Вова, мы тебя знаем.

– Привет, – ответил Володя, – я тоже знаю вас. Вы с соседнего двора.

– Да, я – Коля, а это – Митяй, – сказал паренёк, что был помоложе.

– Вот и хорошо, – вступил в разговор Олежка. – А вы говорили: он не захочет к нам подойти. Он хороший парень, компанейский. Правда, Вова?

– Правда, не правда, какой уж уродился. Ну что у вас есть интересного?

– А вот смотри, – сказал Коля и протянул Володе цветной, но с какой-то необыкновенной раскраской кубик Рубика с пятью поворотными нарезками.

Володя видел кубики Рубика ранее и даже несколько раз собирал их. Но, этот кубик был необыкновенный: во-первых, у него было пять поворотов, а во-вторых, его составляющие кубики имели замысловатые раскраски – в центре поверхности содержали ромбические позолоченные отметки. Видимо, этот кубик Рубика предназначался не только для упражнения ума, но и был ещё сувениром. Он был красив и, вероятно, очень дорогой.

– Хочешь посмотреть? – спросил Коля.

– Да, хочу, – не очень уверенно протянул Володя. Раньше он видел кубики только трёх-поворотные. А здесь – пяти! И такой красивый! Он осторожно взял протянутый ему кубик и не осмеливался сделать хоть один поворот.

– Научиться хочешь? – заговорил, наконец, Митяй.

– А я смогу? – засомневался Вова.

– Сможешь, если захочешь. Только для этого надо потренироваться, и не один раз.

– Но у меня нет такого кубика.

– Будешь приходить к нам, а мы тебе дадим этот кубик для тренировки.

Только домой брать его не сможешь.

– Хорошо, я буду приходить. А где вы встречаетесь? Я здесь вас вижу первый раз.

– Да, мы тебя сами найдём, только выходи во двор, – загадочно произнёс Митяй.

– Хорошо, – пообещал Володя.

Он не понимал интереса ребят к нему, но загадочный предмет, и такой прекрасный, очаровал его. Ему хотелось держать кубик в руках и, ещё более, он хотел научиться его складывать. Вот будет здорово. У Серёжи нет такой игры, и он, наверно, тоже не видел пятиповорот-

ного кубика. Вот здесь можно переплюнуть Серёжу, чтобы он не считал себя самым умным! Пусть знает, что и другие кое-что умеют делать.

Примерно такие мысли промелькнули в голове у Володи, и он с удовольствием пообещал ещё приходить к ребятам, чтобы попытаться раскрыть секрет пятиповоротного кубика.

Глава 3

На следующее утро Светлана, наклонившись к спящей дочери, губами прикоснулась к её лобку.

– Нет, Стасик, кажется, всё обошлось. Температура упала и вторую половину ночи она вела себя спокойно. Зря я вчера так волновалась.

– Ты – мать, тебя понять можно. Кто же ещё, кроме тебя, будет следить за здоровьем дочери?

Светлана посмотрела на Анастаса и нежно ему улыбнулась, благодаря его за слова поддержки.

Спустя некоторое время, Анастас, наспех перекусив, ушёл на работу. Светлана, оставшись с дочкой дома, принялась хлопотать по хозяйству, ожидая пробуждения Анютки. Но, та, видимо, намаявшись вчера вечером, долго посапывала в своей кровати.

Наконец, она открыла глазки, поднялась на колени и стояла так, разглядывая через приоткрытую дверь, наклонившуюся над столом маму. Светлана не заметила пробуждения дочери и всё ещё тихо, на цыпочках, перемещалась по кухне.

– Мама, а что ты делаешь? – услышала она детский голосок и поспешила в комнату дочери.

– Доброе утро, моя хорошая. Я убираюсь, глажу твои рубашонки. Кушать хочешь?

– Кушать? Наверно, хочу.

Светлана остановилась, удивившись такому ответу Анютки. Три слова были произнесены чётко, и интонация в голосе дочери ей показалась совсем не детской, непривычной.

– Идём, я тебя умою, доченька.

– Я сама, мама, умею умываться. И зубки я почищу.

Опять Светлана удивлённо посмотрела на дочь, но препятствовать ей не стала. Она только вынула её из кровати и поставила на пол. Анята, шлёпая босыми ножками по ковру, направилась в ванную комнату, но достать до задвижки, чтобы открыть дверь, она не смогла и, смешно подпрыгивая, пыталась это сделать.

– Ох, ты – моя самостоятельная девочка. Всё хочешь делать сама, – говорила Светлана, помогая дочери открыть дверь.

Всё утро и, потом ещё в течение дня, Анютка удивляла свою мать, не по возрасту умными фразами, необычными вопросами и ответами. Она и ранее отличалась от других детишек своим поведением, но, и Анастас и Светлана, впервые вплотную столкнувшись с воспитанием, процессом развития ребятишек в раннем возрасте, их психологией, не задумывались над особенностями своей дочери.

Прожив вместе два года, они, быстрее и глубже, чем многие другие любящие пары, понимали друг друга. Светлана, имея от природы частоту своей мыслительной энергии, близкую к частоте энергии Анастаса, и, общаясь с ним, быстро увеличивала свой энергетический потенциал. Это и давало им возможность общаться путём передачи мысли от одного к другому.

Понятно и то, что маленькая Анята тоже имела частоту излучения своих мыслей, или для маленького человечка лучше сказать— частоту деятельности мозга, близкую к частотам энергии мозга родителей. И постоянное её нахождение в поле действия мыслительной энергии родителей позволяло, или даже вынуждало маленький мозг развиваться быстрыми темпами.

Да, тут ещё маленький наблюдатель Иллиан, находящийся вблизи Анютки с первых дней её появления на свет, естественно, способствовал умственному развитию девочки. Конечно, он, учитывая просьбы Иллиания, старался до минимума уменьшить свою энергетическую мощность и силу воздействия на мозг Анюты. Тем не менее, для её маленького мозга хватало и этого, чтобы получить дополнительный толчок развития.

Всё шло своим чередом: Анастас работал в институте, возглавляя отдел, Светлана находилась в отпуске по уходу за ребёнком, и с удовольствием занималась домашними заботами, делая всё для своих самых близких и любимых людей.

Анастас пришёл домой злой и молчаливый. Он сел за свой стол и, чтобы как-то снять раздражённость, машинально стал перебирать вещи в ящиках стола.

– Что с тобой, Стасик? У тебя неприятности? – спросила Светлана, подойдя сзади к Анастасу. Она, будучи в кухне, почувствовала усиленный и неритмичный поток энергии мужа.

Анастас продолжал молчать и только сильнее стал двигать и стучать коробками и узлами когда-то любимого, а потом принёсшего много неприятностей, мыслетрона.

– Не держи в себе, дорогой, расскажи мне – будет легче.

Анастас молчал. Он впервые за время их совместной жизни почувствовал, как ему показалось, излишнюю заботу, навязчивость со стороны жены. А ему захотелось побыть одному.

– Иди, покушай, – снова заговорила Светлана, пытаясь вывести мужа из состояния лёгкой депрессии и нервозности, – а я расскажу тебе кое-что о нашей Анютке.

– Не трогай меня, пожалуйста, Света, оставь меня одного.

– Ну, хорошо, хорошо, – эти слова Светлана уже не произносила вслух, – я уйду, а ты выходи поскорее. Мы тебя ждём.

...Сегодня Анастаса вызвал к себе директор института профессор Краснов Яков Семёнович. Всегда лояльный и довольно благосклонный по отношению к Одинцову, на этот раз, без всяких предисловий, громко произнёс:

– Анастас Иванович, я больше не буду вступаться за вас перед министром. Я не хочу каждый раз получать нагоняй за срыв сроков по сдаче изделия. В январе мы должны начать предварительные испытания, а к весне предъявить изделия на заводские испытания.

– Яков Семёнович, я уже не раз подавал Вам докладные записки о том, что у меня не хватает людей. Надо ещё группу из четырёх-пяти человек...

– Читал я Ваши докладные, – почти закричал директор. – Нет у меня людей. Нет. Ищите сами, а пока не нашли, справляйтесь с заданием своими силами.

– Где я могу их найти, Яков Семёнович? – так же, перейдя на повышенный тон, наступал Одинцов. – На улице они не валяются. Молодые специалисты тоже пока не приходят.

– Да, не приходят. Но, мы согласовывали с Вами план и сроки с учётом имеющегося количества людей.

– Проблема искусственной регенерации нервных клеток оказалась более сложной, чем мы предполагали, Яков Семёнович, и чувствительность наших приборов недостаточна, нужно их улучшать, усовершенствовать.

– Да, знаю я, всё знаю, товарищ Одинцов, Только за срыв сроков нас с Вами по головке не погладят.

– Поэтому я и прошу Вас, Яков Семёнович, перевести к нам четырёх человек из семнадцатого отдела, а лучше – пятерых.

– Может быть, весь семнадцатый отдел переподчинить Вам, Анастас Иванович? Нет, уж, у них свои проблемы, поэтому справляйтесь своими силами. Идите и завтра представьте мне график работ на ближайшие месяцы. До свиданья.

Анастас ничего не ответил и, громко хлопнув дверью, вышел из кабинета директора. Секретарша Люда, никогда не видевшая Одинцова таким нервным, не проронив ни слова, взглядом проводила его до двери.

В оставшуюся половину дня Одинцов созвал руководителей секторов и, ещё раз проанализировав с ними ход работ по тематике отдела, попросил их дать на завтра предложения в соответствии с приказом директора.

...Просидев за столом минут пятнадцать, Одинцов достал коробки мыслетрона и начал крутить их в руках, вспоминая прошлое, связанное с ним. Мысли о генианцах и о планете Гениании успокоили его, но от чувства ностальгии стало томительно грустно.

– Папа, пойдём кушать, – подбежала к Анастасу Аня и стала тянуть его за руку, – мама ждёт тебя.

Анастас не сразу отошёл от ностальгических воспоминаний и только после повторной просьбы дочери повернулся к ней.

– Ах, ты, моя прелесть, – подняв на руки и посадив на колени дочку, ответил он ей. – Идём, идём. Не будем маму обижать.

И он с Аней на руках вошёл в кухню. Ужин был на столе, и далее вечер проходил в дружеской, семейной обстановке. Снова чувствовалась любовь и понимание.

– Ты знаешь, Стасик, наша дочь стала разумной не по годам. Я замечаю за ней такие слова и фразы, какие могут знать только детки в пяти шестилетнем возрасте.

– Это и не удивительно, Светочка.

– Почему?

– Потому, что у неё очень умная мамочка, – не стал Анастас развивать эту тему, хотя после слов жены у него сразу возникло подозрение, что в этом «виновата» не только мамочка, но и он, папочка, со своим мощным потенциалом мозга.

После этого разговора с женой и дневного служебного конфликта с директором института Анастас всё чаще и чаще стал задумываться над продолжением, или лучше сказать, над возобновлением работ с мыслетроном. Казалось бы, никакой связи нет между этими событиями и возникшим желанием снова заняться усовершенствованием аппарата и изучением мозговой деятельности человека. Но, факт остаётся фактом, и Анастас стал чаще, приходя домой с работы, просиживать в своём уголке за столом, вновь заваленным инструментами, деталями, металлическими обрезками, проводами.

Он снова и снова вспоминал о встречах с генианцами, хотя за два прошедших года такие мысли приходили на ум редко. События, которые произошли с ним и со Светланой, невольной причиной которых стал мыслетрон, надолго «вышибли» из его головы думы о генианцах.

– Стасик, ты совсем стал забывать о нас с дочкой: ты, или на работе, или сидишь в своём углу, не обращая на нас внимания.

– Светочка, дорогая, я всё делаю для семьи, и мысли мои только о вас – о тебе и об Ане.

– Ну, уж нет, Стас, мысли твои мне известны, и я не нахожу в них места для нас.

– Неправда, Светочка, – Анастас впервые задумался о том, что плохо, когда один человек может читать мысли другого, или, хотя бы, знать об их содержании. Раньше было приятно сознавать, что если Анастас о чём-нибудь подумал, что-то захотел, и Светлана тут же исполняла его желание. Это было одним из проявлений их взаимной любви, и всё казалось естественным.

Но теперь, когда такое отношение стало привычным и, когда у Анастаса появлялись некоторые мысли и желания, о которых он не хотел бы никому, даже Светлане, говорить, это стало вызывать недовольство, раздражение.

– Завтра воскресенье, Стасик, предлагаю взять дочку и пойти в центральный парк. Возьмём санки и покатаемся, там есть хорошие горки. Аня будет очень приятно, да и нам с тобой прогулка на свежем воздухе не помешает.

– Хорошо, Светик, так мы и сделаем. Нам всем нужен свежий воздух. Только не долго, хорошо?

– Хорошо, дорогой.

На следующий день, отправившись в парк, они взяли с собой бутерброды и горячий чай, а для Ани – в термосе молочную кашу. Непривычно было видеть Светлану и Анастаса отчуждёнными, молчаливыми. Анастас думал о своём деле и, стараясь сделать так, чтобы Светлана

не знала о его мыслях, он нервничал, всё время отставал от, идущих впереди, матери с дочкой. А Светлана, изредка поглядывая на него, всё понимала и пыталась спрятать свою обиду.

– Стас, помоги Анютке поднять санки на горку.

Анастас побежал вниз, поскользнулся и упал. Скользя на спине, он подъехал к дочери, та засмеялась и произнесла:

– Какой ты молодец, папочка. Хорошо у тебя получается.

– Хорошо-то, хорошо, только заднее место немножко больно, – вставая и, держась руками за ягодицы, ответил Анастас.

– Ничего, до свадьбы заживёт, – всё ещё смеясь, сказала Анята.

– Как ты сказала? Кто этому тебя научил? – удивился Анастас словам дочери, ведь, ей всего год с небольшим, а она такое говорит!

Анастас, взяв санки в руку и Анютку под мышку, стал взбираться на горку.

– Ты знаешь, Света, что она говорит?

– Знаю, знаю. Меня она уже не удивляет. Это для тебя такие слова кажутся новинкой.

А я привыкла.

Анята продолжала кататься, а мать и отец, поочередно бегали то с горки, то на горку, помогая ей заносить санки наверх.

Было весело и приятно всем.

Только, спустя некоторое время, Анята стала вести себя неадекватно. То она, вдруг, замолкала и сидела на санках у подножия горы, то, через несколько минут, снова поднималась и что-то болтала безумолку. Ни отец, ни мать не могли понять её слова. Она была ещё слишком мала, чтобы произносить длинные предложения, да и словарный запас в её голове был ещё скуден. Но это не останавливало её, и речь на непонятном языке, словно ручеек по наклонной поверхности, лилась без остановки и задержки.

Анастас и Светлана сначала усмехались, прислушиваясь к ней, потом пытались о чём-то спросить. Это их умиляло и забавляло.

Через семь-восемь минут всё прекращалось, и девочка снова замолкала и продолжала скатываться с горки, как ни в чём не бывало.

Когда Светлана попросила мужа повеселить Анюту – сесть на санки и скатиться с горы – Анастас поддержал жену и верхом уселся на детские саночки. Но, не успел он оттолкнуться, чтобы начать движение, как малышка встала впереди и чётко заявила:

– Тебе, папочка, нельзя кататься – можешь поломать санки или упадёшь и ударишься, будет больно.

Молчание родителей после этих слов продолжалось целую минуту. Они сначала не могли понять – шутит дочка или, действительно, боится, чтобы не случилась беда. Потом они переглянулись и одновременно заговорили.

– Почему ты так сказала, Анюточка?

– Откуда ты знаешь такие слова, дочка?

– Ты, разве, видела, как ломаются санки?

– Может быть, тебе во сне, что-нибудь приснилось?

Весёлое и приятное общение, которое у семейства Одинцовых было в первые минуты пребывания на горке, исчезло. Теперь девочка, молча, каталась и даже сама пыталась поднять санки наверх. А родители, не зная, как понимать дочку, уже без интереса продолжали развлекать её.

Так и не прокатившись ни разу на санках, Анастас предложил своим девочкам возвращаться домой.

Светлана всю дорогу до дому думала об Анютке.

«Какая-то она не совсем обычная девочка. Ей всего-то годик, а она разговаривает, как взрослый ребёнок пяти-семи лет и мысли свои разумно выражает. Может быть, это и хорошо,

быстро развивается девочка. Это лучше, чем, если бы у неё было отставание. Но, всё же? Хотелось бы, как у людей.

Анастас сначала тоже был в недоумении, а потом он стал делать выводы, что их Анютка – дочь не совсем обычных родителей, людей с некоторым отклонением психологического, интеллектуального характера. Значит, и дочь не может быть нормальной, и она развивается не в соответствии с медицинскими стандартами.

А придя домой, в привычную среду обитания, родители постепенно забыли о своих размышлениях и опасениях.

Только Аня снова повела себя странно. Она взяла куклу на руки и, сидя на полу, стала что-то говорить, тихо и не совсем разборчиво, словно она и не с куклой говорит, а с каким-то невидимым собеседником.

– Я люблю свою маму и папу тоже, – можно было с трудом услышать предложение среди других слов, – я всегда буду с ними. И они будут со мной.... Я не знаю тебя..., но слышу хорошо. Ты волшебник...? Тогда, кто же ты? Когда? Я хочу ещё с тобой поговорить. Ладно.

– Что ты ей рассказывала, Анюточка?

– Ничего.

– Я же слышала.

– Ничего, – несколько насупившись, словно она была недовольна подслушиванием мамы, кратко отвечала дочь.

– Ну, не хочешь говорить, не надо. Пойдём в кухню, надо покушать.

Глава 4

– Ты сегодня опять встречался с дочерью Анастаса?

– Да, отец, я был у неё, но совсем недолго, – на вопрос отца ответил Иллиан. – Она ещё маленькая, но с ней приятно общаться. Мы хорошо понимаем друг друга, и меня к ней тянет всё больше и больше.

– А ты не сделаешь ей плохо? – вступила в разговор Иллиана. – Ведь, её мозг совсем ещё не развит, и такое внешнее воздействие на него может отрицательно сказаться на её здоровье, психике.

– Но, я контактирую с ней слабым и очень узконаправленным лучом.

– И, всё-таки, я тоже слежу за развитием этого ребёнка, – снова заговорил Иллианий, – и вижу, что, в последнее время, оно стало чрезмерно интенсивным. А мы должны проследить развитие от рождения и в течение жизни нормального человеческого представителя.

– Я понимаю, отец, мы об этом уже много раз говорили, и я всё сделаю, чтобы так оно и было. Но, всё же мне постоянно хочется с ней общаться.

Иллиан, как-то, по-особенному, мы бы, люди, сказали «посмотрел» на Иллиану, «про-контактировал» с ней, и та ответила ему тем же.

– Сегодня я снова наблюдаю за Анастасом, хочу знать о его планах и просто о жизни, – обратился к жене Иллианий. – В прошлый раз я тоже очень слабым сигналом вошёл в контакт с ним. Он этого не заметил, но в его голове всплыли воспоминания о наших прежних встречах и разговорах. Кажется, он даже захотел продолжить начатое тогда дело по разработке устройства для воздействия на энергетические мозговые поля других людей.

– А надо ли продолжать эти работы, Иллианий? – выразила сомнение Иллиана. – Ведь мы знаем, чем закончились его прошлые эксперименты – горе многим людям они принесли.

– Да, это так, но мне кажется, что всё же положительного в них больше, чем отрицательного.

– Не готово ещё человечество для быстрого и обширного усовершенствования мозговой деятельности своих представителей. Слишком много у них на Земле зла, и чрезмерно большое количество людей с надломленной психикой и преступными намерениями.

– Вот поэтому и хочется каким-то образом помочь им искоренить зло, иначе есть вероятность, что большое человеческое сообщество уничтожит само себя.

– Но, ведь, мы не имеем права вмешиваться в жизнь обитателей чужой планеты и навязывать им свои правила и принципы.

– Я это знаю, Иллиана, и, конечно же, никакого вмешательства с моей стороны в их жизнь не будет. Мне только хочется, чтобы их разум был позитивным и развивался быстрее, чем он развивается у них сейчас. Иначе, если они не уничтожат жизнь на своей прекрасной планете, будут так же долго идти к разумному существованию, как это делали наши далёкие предки.

– Если мы будем ускорять их разумное развитие, то мы получим искажённые данные об истории развития общества далёких генианцев.

– Иллиана, мы способны внести коррективы и поправки в наши наблюдения и выводы, на то нам и дан наш интеллект и наш гениальный разум.

– Хорошо, Иллианий, ты, как всегда, прав.

Глава 5

Через два дня после первой встречи Вовы с Колей и Митяем, он снова вышел во двор, надеясь встретиться с ребятами и попробовать сложить кубик Рубика. Вова не подошёл к друзьям со своего двора, а удалился от них на некоторое расстояние и стал ждать. В прошлый раз Митяй сказал, что они найдут его сами, когда им захочется.

Погода стояла тёплая, совсем не зимняя, хоть, снегу выпало много, детская площадка была расчищена. Ветра не было, температура – около нуля градусов. Мокрый снег хлюпал под ногами и приставал к ботинкам.

– Вова, иди к нам. Что ты там спрятался?

– Давай, Вовчик, в снежки играть, – закричали ему друзья, приглашая в свою компанию.

– Нет, я сейчас занят. Потом подойду, – ответил Вова, ещё надеясь, что обладатели необычного кубика выйдут к нему.

И не напрасно. Не прошло и десяти минут ожидания, как Коля вышел из-за угла дома и позвал Вову в свой двор. Тот охотно откликнулся на приглашение, пошёл вслед за мальчиком, ощущая, при этом восторг от ожидаемого наслаждения при складывании пятиповоротного кубика Рубика.

– Привет, Вован, – встретил его Митяй – как дела?

– Нормально. Кубик принесли?

– Кубик на месте. А ты очень хочешь с ним повозиться?

– Хочу, вы же обещали.

– Ну, раз обещали, надо выполнять своё обещанье, – и Митяй осторожно, как очень ценную и хрупкую вещь, вынул кубик из внутреннего кармана.

– Держи, позабавляйся,

Митяй передал кубик Володе. Тот долго крутил его в руках, не зная, с чего надо начинать повороты, и, наконец, сдался.

– Что, не получается? Надо долго тренироваться, парень. Вот и Колян до сих пор не научился это делать, – сказал Митяй, принимая кубик от расстроенного Вовы.

– А ты можешь? – спросил Митяя Володя.

– Я всё могу, и тебя научу, только позже.

– А ты можешь дать мне его домой? Я хочу брату показать, вот он обзавидуется.

– Нет уж, это слишком ценная вещь, чтобы я кому-нибудь её доверил. В следующий раз я покажу тебе начало.

Расстроенный Володя ещё раз посмотрел на кубик и тихо, не прощаясь, удалился в сторону ребят со своего двора. Митяй не стал его задерживать, а когда Вова удалился, обратился к своему другу:

– Мы его зацепили, теперь надо покрепче привязать к себе, чтобы он на всё соглашался. А там уж – дело техники.

– Ты – голова, Митяй. Такое дело задумал.

– Да, не чета тебе.

Ещё два раза приходил Вова на встречу с новыми друзьями. Он уже начал понимать алгоритм складывания пятиповоротного кубика, но полностью сложить его так и не смог.

Однажды, возвратившись, домой, Вова загадочно сказал сидевшему за книгами Серёже: – А ты умный такой, но сложить пятиповоротный кубик Рубика не сможешь, а я могу, – немного прихвастнув, чтобы как-то уколоть брата, промолвил он.

– Где ты видел такой кубик? – не очень внимательно слушая Вову, спросил Серёжа. У него были другие интересы, и обвинения брата не сильно его расстроили.

– У меня скоро будет такой, – опять, неизвестно для чего, соврал Володя, – я быстрее тебя буду его собирать.

– Ну и молодец, – похвалил брата Серёжа. – А уроки ты уже сделал? Что-то в восьмом классе ты не очень усердно стал учиться. Смотри, папа тебе сделает взбучку и не посмотрит на то, что ты классно собираешь кубик Рубика.

– Не твоё дело, как я учусь. Ты лучше своими успехами гордись, а мне и так хорошо.

Этот разговор братьев не был исключением из многих других – всё меньше и меньше стали они понимать друг друга.

Серёжа, обладая недюжинными способностями, в свои пятнадцать лет учился на втором курсе университета и часто привлекался преподавателями для работы на кафедре. Мальчишка ещё – он странно смотрелся среди маститых учителей при обсуждении каких-либо вопросов.

Когда папа пришёл с работы, Вова ещё не приступал к выполнению домашнего задания. Он сидел за столом и, что-то усердно вырисовывал на бумаге. Рисовал, потом зачёркивал и снова начинал рисовать, а между рисунками какие-то значки и буквы.

– Здравствуй, сынок. Что это ты делаешь? – спросил Вадим Петрович, заглядывая через плечо сына к нему в тетрадку. – Задачки по геометрии?

Вова, не заметив, когда отец подошёл к нему, от неожиданности вздрогнул и закрыл тетрадку.

– Да-а, нет, это я сам решаю, – неуверенно пролепетал Володя.

– Я вижу, что ты сам. А я спросил, что ты делаешь?

– Ну, так, дополнительные задания.

– А основные задания ты уже сделал? – отец давно стал замечать, что Вова охладел к школьным занятиям и совсем мало времени уделяет урокам. И Вера Никифоровна тоже не раз говорила отцу, что Володя стал хуже учиться и с братом всё время ссорится.

– Что с ним происходит? Не пойму. Ведь, так всё хорошо было до седьмого класса, а тут...

– Переломный возраст, хочет самостоятельности. Может быть, в девчонку какую-нибудь влюбился, – предположил отец.

– Не знаю, Вадя. Но, ведь, и у Серёжи переломный возраст, а он совсем не такой – учится в университете, и нагрузки у него посерьёзнее, чем у Вовы. Он всё успевает сделать, всё ему интересно.

– На Серёжу сильно подействовало знакомство с Анастасом. Потом – все эти передрыги, события. Он сильно повзрослел после пережитого.

– Да, это правда. А ты не спрашивал у него, почему дружба с Анастасом прекратилась?

– Нет, не было на эту тему разговоров, – Вадим Петрович на минуту задумался, потом продолжал, – а, действительно, почему? Неплохо было бы узнать, как они живут со Светланой. Потом эта тема на какое-то время исчезла из разговоров старших Умаровых.

– Так, что тут у тебя, сынок, с домашними заданиями? – вновь спросил Вадим Петрович.

– Я сейчас всё сделаю, папа, – и Вова стал быстро доставать книги и тетради из своей сумки.

– Ну, делай, делай. А с Серёжей ты сегодня общался?

– Да, мы разговаривали с ним.

– Может быть, тебе нужна его помощь? Ты попроси его.

– Нет, папа, я всё сам сделаю.

И отец вышел из комнаты. Вова опять почувствовал обиду на брата. Вот, и отец считает Серёжу умнее, надёжнее. Он всегда поможет, он всё умеет!

«Ну, подожди, я тебе тоже задам задачку, которую тебе не решить. Вот только Митяй даст мне кубик и тогда посмотрим, какой ты умный!» – думал Вова, глядя на дверь, за которой находился его брат.

Прошло ещё несколько дней, Вова встретился во дворе с Митяем и Коляном.

- Ну, ты сегодня дашь мне кубик, чтобы я показал его брату? – спросил он Митяя.
- Сегодня, может быть, и нет, а вот завтра... – Митяй замолчал, глядя на кубик Рубика. – Завтра ты его получишь, если сегодня поможешь нам сделать одно дело.
- Какое дело, Митяй?
- Дело на сто миллионов, – и Митяй с Коляном громко засмеялись, – шутка, шутка. А, если всерьёз, то надо выручать одного человека, а без тебя мы не сможем этого сделать.
- Какого человека? И как его надо выручать? А что я могу для этого сделать?
- Пойдём туда, мы тебе всё расскажем, – и Митяй, взяв Вову под локоть, подтолкнул его в сторону выхода со двора.
- Куда надо идти? Мне родители не разрешают уходить далеко от дома.
- Вот ещё! Маменькин сынок, – а ещё хочешь кубик Рубика получить.
- Володе стало обидно, что его называют маменьким сынком, и он решился.
- Ну, ладно, пошли.
- Вот, и молодец. Теперь слушай, У меня есть сестра, она очень больна, и ей требуется постоянно принимать лекарство. Если будет перерыв в два-три дня, то её спасти будет уже очень трудно. А денег на лекарство нет, не хватает. У нас работает только одна мама, зарабатывает мало.
- И как я могу ей помочь? – спросил Вова, совсем не понимая, к чему весь этот разговор.
- Ты даже очень можешь помочь, если хочешь иметь кубик Рубика.
- Как?
- Вон, смотри. Видишь аптечный киоск? Он сегодня не работает. Но можно достать лекарство и так.
- Это как? – не совсем понимая слова Митяя, наивно, глядя ему в глаза, спросил Вова.
- Очень просто – зайти туда и взять.
- Это что, украсть?
- Нет, Вовчик, не украсть, а взять, чтобы спасти человеку жизнь. Моей сестре.
- А я вам зачем?
- Ты – единственный, кто может это сделать. Там, между стенкой дома и киоском есть вентиляционное отверстие с решёткой. Эту решётку Колян уже открутил, но в отверстие он не мог залезть: толстоват оказался. А вот ты будешь в самый раз. Ведь ты хочешь получить кубик Рубика?
- Ну, я не знаю, ведь, я никогда...
- Всё когда-то бывает в первый раз. И спасти жизнь человеку тоже не каждый день представляется возможность. Ты же не трус, Вован?
- Я не трус, но я не смогу.
- Сможешь, Вован, сможешь. Здесь, с этой стороны никто не ходит, и тебя не увидят.
- А какие лекарства брать, я не знаю.
- Ну, это просто. Там с правой стороны есть ящик, на нём написано «нейротропное». Запомнил? Выдвигаешь ящик и набираешь в этот мешочек всё, что там лежит. Потом обратно, тем же путём, и кубик Рубика у тебя в кармане.
- Я не могу, Митяй.
- Я так и знал, что ты трус.
- А ты точно дашь мне кубик?
- Не сомневайся, слово Митяя железно.
- Митяй осторожно, чтобы не спугнуть, подталкивал Володю к щели, через которую надо пролезть, чтобы добраться до отверстия с решёткой. И Вова послушно поддавался движениям крепкой руки.
- Когда Вова добрался до решётки, Митяй шёпотом давал ему указания.
- Снимай её и положи там рядом.

Вова одной рукой вытянул решётку из проёма, другой рукой он держался за выступающий наличник.

– Головой вперёд и пролезай внутрь, а там опустишься на шкафчик.

Вова в точности выполнял указания своего наставника, и через минуту он оказался внутри аптечного киоска. Помещение было небольшое и свет от единственного окна, выходящего на улицу, освещал стеллажи и ящики. Володя увидел ящик, на котором было написано «нейротропное». Видно, не раз бывал в этой аптеке Митяй и давно разработал план по добыче наркотиков.

Коля и Митяй обошли киоск с фасадной стороны и через неплотно прикрытые жалюзи видели, как там, внутри, передвигался Володя. Они медленно прошли вдоль стены один раз, потом – второй, лишь искоса поглядывая на силуэт внутри помещения.

Вова высыпал содержимое ящика в мешок, который дал ему Митяй, и хотел уже возвращаться обратно, как, вдруг из-за угла дома выскочила милицейская машина с «мигалкой» и прямо подъехала к аптечному киоску. Митяй и Колян успели забежать за дом и там, через кусты проскочили к своему двору.

Володя через окно увидел остановившуюся милицейскую машину и подошедших к двери двух милиционеров. Он растерялся, бросил мешок на пол и не знал, что ему делать. Ноги не двигались и в голове пронеслись страшные мысли.

«Я – вор, меня поймали за кражей. Митяй меня обманул. Что делать...? Что делать...?» – не находил он ответа на свой вопрос и продолжал смотреть на стоящих снаружи милиционеров. Сигнальная вертушка продолжала мигать на крыше милицейской машины.

Володя никогда не задумывался над тем, что сможет взять что-нибудь без разрешения, даже, если это будет какая-то безделушка товарища. Он знал, конечно, что в мире существует воровство и разбой, но это где-то там, далеко. Но, чтобы это было здесь, рядом, и, чтобы он оказался вором? Это не укладывалось в голове. Кровь молотком стучала в висках.

Милиционер по рации связался с директоршей аптеки и пригласил её срочно подъехать к своему киоску.

Через пятнадцать минут дверь была открыта, и Володя оказался в руках милиционеров.

– Ну, что, хлопчик, решил наркотиками побаловаться? Колешься? Или колёса употребляешь?

Вова не понимал, о чём его спрашивают и, только совсем по-детски моргая глазами, смотрел то на милиционеров, то на женщину, которая, высыпав содержимое мешка на стол, рассортировывала коробки по разным кучкам.

– Кто ты, и как ты здесь оказался? – спросил Володю один из милиционеров. И тот, молча, указал на вентиляционное отверстие, которое они, конечно, и без указаний увидели. А вопрос они задавали для того, чтобы вывести мальчика из ступора, потому, что сразу увидели, что это совсем не наркоман и даже не воришка.

– Где ты живёшь? Как тебя зовут?

– Володя, – тихо прошептал совсем испуганный мальчик, – я живу на Яблонево́й, 29. Это через три двора отсюда.

– Да, уж знаем, где этот дом. Вы можете сейчас сказать, у Вас пропало что-нибудь? – обратился лейтенант к молчавшей до сих пор хозяйке аптеки.

– Как будто, всё цело, но более точно можно сказать только после ревизии.

Второй милиционер заканчивал писать Акт о вскрытии киоска и о задержании воришки.

– Садись в машину, Володя. Поедем к родителям. У тебя есть родители?

– Есть и папа, и мама, и брат Серёжа, – зачем-то добавил Вова. Его действия и слова рождались и произносились механически, независимо от его воли.

Когда лейтенант нажал кнопку звонка, дверь тут же открылась, а на пороге стоял Вадим Петрович. Он сначала ничего не понял, потом, увидев сына позади милиционера, спросил:

– Вы ко мне? Я Вас слушаю.

– Разрешите войти, – попросил лейтенант.

– Прошу Вас. Что случилось? Что-то с Володей?

Лейтенант, пройдя в комнату и познакомившись с отцом мальчика, рассказал о деле, которое привело их сюда.

– Этого не может быть, – не поверив словам лейтенанта, выразил сомнение Вадим Петрович. – Мой сын не такой. Здесь какая-то ошибка.

– Ну, ошибка, или нет – будем разбираться, а пока прочтите протокол и подпишите, Вадим Петрович.

Долго отец читал листок, который вручил ему милиционер, потом, молча, подписал и посмотрел на сына.

– Мы Вас вызовем, Вадим Петрович, а пока побеседуйте со своим сыном. До свиданья.

– До свиданья, – только и мог произнести Вадим Петрович, до сих пор ещё не понимая, что произошло.

Разговор отца с сыном был мучителен для обоих. Вадим Петрович не знал, как начать разговор и о чём надо сына спрашивать. Ему никогда даже в голову не приходила мысль о том, что кто-нибудь из его сыновей окажется в подобной криминальной ситуации. А Володя до сих пор ещё не пришёл в себя и односложно или кивком головы отвечал на нелепые, непонятные вопросы отца.

– Где этот аптечный киоск? – спрашивал отец, хотя в протоколе, который он подписал, был указан адрес.

– Как ты туда попал?

– Это же далеко от нашего двора. Как ты проник в киоск?

– Что тебе там было надо?

На эти вопросы Вадим Петрович получал тихие, не всегда вразумительные ответы. Потом, видя совершенно жалкое состояние сына, он предложил ему пойти полежать, а разговор продолжить завтра.

Вова до сих пор не пришёл в нормальное состояние, у него в голове гудело, обрывочные мысли сменяли одна другую.

«Зачем я согласился...? Митяй меня обманул. Ему нужны были наркотики.... Или всё это вышло случайно? А кубик Рубика?»

Когда Серёжа пришёл домой, там была гнетущая тишина. Мама с папой странно смотрели друг на друга, словно о чём-то хотели спросить, но не осмеливались это сделать. А Вова, отвернувшись к стенке, лежал на кровати, и даже не было слышно его дыханья. Отсутствие открытой, дружелюбной, милой семейной обстановки обескуражило Сергея. Он почувствовал, что произошло что-то серьёзное.

– Добрый вечер всем, мама, папа.

– Спасибо, и тебе добрый вечер, сынок, – ответила Вера Никифоровна.

Лаконичность и необычность ответа ещё более заинтриговало Сергея, и он спросил:

– Что произошло тут у вас, папа?

Отец вкратце рассказал сыну о факте задержания Володи в аптечном киоске и о приходе в дом милиционеров. Но, он ни слова не промолвил о предполагаемой причине поступка, так как сам, мучительно думая об этом, не смог найти ему объяснения.

На следующее утро мать предложила Вове не ходить в школу потому, что выглядел он совсем разбитым и бледным, а его молчание и, какие-то, нелепо угловатые движения, словно он боялся за что-нибудь зацепиться, придавали ему совсем болезненный вид.

Серёжа пытался, как раньше, уловить мысли брата, что-нибудь понять без словесного объяснения, но, кроме каких-то обрывков фраз и бесконечного, сумбурного шума, ничего не было слышно. И он решил сегодня же, после лекций в университете, договориться о встрече с

Анастасом, чтобы тот поддержал, посоветовал что-нибудь, а главное, чтобы, находясь с ним в контакте, усилить своё мозговое энергетическое поле и, таким образом, получить возможность читать мысли брата, как это не раз бывало ранее.

Глава 6

Анюта всё более и более удивляла родителей своим поведением, и постепенно это удивление переросло в постоянное беспокойство Светланы. Умная, начитанная женщина Светлана стала понимать, что раннее и чрезмерное развитие ребёнка может привести к появлению, если не гения, то выдающегося человека. Но, это, как нередко бывает, может сопровождаться ухудшением здоровья или повреждением психики человека.

Осмотр врачом маленькой девочки не показал никаких отклонений ни в физическом развитии, ни в психологическом состоянии Анюты. Однако доктор обратил внимание на сильное опережение умственного развития девочки, просил мать постоянно наблюдать за ней и периодически показывать её доктору.

Анастас в рабочее время нашёл несколько минут, чтобы позвонить Светлане и спросить о результатах её посещения поликлиники.

– Ничего страшного, Стасик, – ответила Светлана на вопрос мужа, – есть некоторое перевозбуждение, а так – всё нормально. Доктор рекомендовал чаще бывать на воздухе.

– Отлично, Светочка. Постарайся придерживаться этой рекомендации.

– А ты здесь не причём, дорогой?

– Я душой вместе с вами, но физически я не часто могу выделять время для прогулок. Ты же знаешь, дорогая, у меня сейчас на работе страшная напряжёнка, и дома я занимаюсь новым мыслетроном. Так что, не обижайтесь. А наступит лето, я возьму отпуск, и мы махнём куда-нибудь на природу дней на десять-двенадцать.

– Будем ждать твоего отпуска.

– Всё, Светочка, я вас целую.

– Не задерживайся.

Ещё несколько дней в семье Одинцовых всё было тихо и спокойно.

Два раза за это время Иллиан выходил на контакт с Анютой, хотя, прямым контактом это назвать было трудно потому, что непосредственного общения не было, а происходило только одностороннее вхождение слабого энергетического луча в мозговое поле маленького человечка. Анюта, при этом, словно впадала в лёгкое состояние транса, не видела сидевшую рядом маму и не слышала её слов. Девочка, то на время затихала и неотрывно смотрела куда-то в дальнее пространство, то потом она, вдруг, как бывало и ранее, становилась шаловливой, необычайно подвижной и, при этом, что-то бессвязно бормотала на непонятном языке.

Светлана всё это замечала и фиксировала, чтобы потом рассказать доктору.

Однажды, после выхода Анюты из состояния чрезмерного возбуждения, она обратилась к матери с необычным вопросом:

– Мамочка, а почему, когда я с ним разговариваю, он мне не отвечает, а только смотрит на меня и всё?

– О ком ты говоришь, дочурка? С кем ты разговариваешь? Кто на тебя смотрит?

– Он, мамочка, он. Я не знаю, кто это, но вижу его где-то вдалеке и хорошо слышу.

Эти слова Светлана восприняла, как болезненный бред дочери и снова обратилась к врачу. Её не на шутку испугала вполне осмысленная, взрослая речь малышки. Опасения матери в некотором отклонении развития дочери укрепились.

Новые обследования терапевта и психиатра ничего не обнаружили и частично успокоили Светлану.

Глава 7

Серёжа позвонил Анастасу и предложил ему встретиться где-нибудь в ближайшее время. В воскресенье они пришли в кафе и заказали себе мороженое, кофе и булочки.

– Ну, как ты живёшь, Серёжа? Что нового в твоей жизни? Как дела в университете?

– Вот сразу сколько вопросов. Отвечать по порядку? – усмехаясь, спросил Серёжа. Внешне похожий на брата Володю, Сергей чувствовал себя почти взрослым – и манера вести себя, и тон разговора, и образ мыслей – всё отличало его от брата. Вот, так далеко разошлись их пути. Не будь двухгодичной давности встречи с Иллианом, Серёжа и Володя были бы сейчас настоящими близнецами. Но, судьбе было угодно распорядиться по-другому.

Сначала в разговоре Сергея и Анастаса были общие, ничего не значащие вопросы и ответы, как обычно бывает при встрече друзей после долгой разлуки. Но, цель, которую ставил себе Серёжа, назначая встречу, так или иначе, нужно прояснить. Его мозг, подпитываясь энергией Одинцова, увеличивал свой энергетический потенциал и, спустя полчаса после начала их встречи, они уже произвольно, временами, переходили к диалогу без слов, путём обмена мыслями. Это было очень удобно, когда официант принёс мороженое – и есть и разговаривать одновременно – это так забавно.

– Хотелось бы посоветоваться с тобой, Анастас, ещё по одному вопросу.

– Говори. Если смогу, посоветую что-нибудь.

– Вова, брат мой, стал странно себя вести – плохо стал учиться, со мной часто бывает груб. И вообще, в последнее время, мы перестали понимать друг друга. А несколько дней тому назад он совершил совсем необъяснимый поступок.

– Что же он натворил? – спросил Анастас.

– Вот именно, ты правильно сказал, «натворил»

– И что же?

– Его задержали за кражей наркотических препаратов в одном аптечном киоске.

– Не может быть. Он что, стал употреблять наркотики? Ведь, он ещё совсем мал.

– Мал, да, как оказалось, удал. Он не говорит, что или кто его натолкнул на такой поступок. Только молчит, да злится на меня, неизвестно за что.

– Кто же поймал его в аптечном киоске?

– Сработала сигнализация, приехала милиция и взяли его на горяченьком.

– Что я тебе должен посоветовать, Серёжа? – не понимая цели заданного вопроса, спросил Одинцов.

– Может быть, у тебя есть какие-нибудь предположения по поводу странного поведения Вовы? И, как нам теперь быть? Ведь, его поставят на учёт в детскую комнату милиции.

– То, что его поставят – в этом можешь не сомневаться. Но, страшного здесь ничего нет. Если он больше ничего не совершит, то всё забудется со временем. А вот, что касается странного отношения к тебе – в этом есть нечто более серьёзное. Вы не ссорились, не дрались? Может быть, в одну девочку оба влюбились? Так бывает у близнецов.

– Нет, Анастас, мы не дрались, и девочки между нами нет.

– Послушай, Серёжа, а может быть, он завидует тебе, что ты опередил его в учёбе? Не говорил он об этом?

– Он не говорил, но в его постоянных упрёках всё время угадывается такая мысль. И я думал об этом. Но, ведь, я не встал у него на дороге, не мешаю ему хорошо делать своё дело.

– Да, вот он и сделал своё дело. Ты ему не мешал, и никто другой не остановил от такого мерзкого поступка.

– Ты меня в чём-то упрекаешь, Анастас?

– Я не упрекаю, а думаю, что в твоих успехах и в ваших отдалениях друг от друга, есть доля вины за все его странности и поступки.

– Но, я же ему не нянька.

– Ты не нянька, ты больше, чем нянька – брат родной, да ещё и брат-близнец.

На некоторое время разговор прекратился. Каждый из друзей думал над теми словами, которые только что высказал Одинцов. Они оба, не спеша, ели мороженое, а мысли каждого из них были понятны другому. Они переплетались между собой, объединялись, путались. Изредка друзья переглядывались, принимая и понимая молчаливый диалог, старались прийти к какому-то единому мнению.

– Ну, что ж, Анастас, я постараюсь уделять больше времени брату. Может быть, ты и прав. Кстати, как дела у вас? Как Светлана себя чувствует? Как дочка растёт?

– Да, всё нормально. Вот, только у меня тоже проблема и похожа на твою. Мало времени я уделяю Анютке. Растёт она почти без моего участия. И растёт, надо сказать, слишком поспешно. А я занялся сейчас восстановлением мыслетрона. Есть на этот счёт кое-какие соображения. Но, об этом пока рано говорить.

Посидев ещё несколько минут, друзья попрощались и разошлись в разные стороны.

Серёжа почувствовал, что его мозговой потенциал стал мощнее, мысли быстрее «прокручивались в мозгу». Как-то яснее ощущались проблемы и виделись пути их решения. Мощное энергетическое поле Одинцова за время близкого общения «поднакачало» поле Серёжи и дало ему возможность по-другому смотреть на вещи, которые его волновали и казались проблемными.

Вернувшись, домой, Серёжа прошёл в комнату. Вова уже пришёл из школы и сидел за своим столом, делая домашние задания.

– Здравствуй, Вова, – как можно спокойнее, произнёс Серёжа.

– Здравствуй, – буркнул Вова в ответ и уткнулся в книгу, явно показывая, что он не хочет разговаривать с братом.

– У тебя всё получается? Помощь не нужна? – спросил Серёжа.

Вова поднял голову и удивлённо посмотрел на Сергея. С чего это он, вдруг, заинтересовался его делами? Давно уж ни о чём не спрашивал Вову и не предлагал свою помощь.

– Спасибо. Пока, сам справляюсь.

– Ну, хорошо, если что..., я всегда готов помочь тебе.

На этом диалог закончился, и каждый стал заниматься своими делами.

Серёжа сел за свой стол, склонившись над книгой, якобы занимаясь подготовкой к завтрашней лабораторной работе по электротехнике. Однако, мысли были заняты совершенно другим предметом. После общения с Анастасом мозг Сергея, как он и предполагал, стал улавливать мысли Володи, пусть ещё довольно слабые, но при малом расстоянии между ними, вполне читаемые.

«Не надо мне никакой помощи, – слышал Серёжа, – и вообще, уроки делать не буду. Пусть лучше меня в тюрьму посадят за воровство. Сам залез в этот киоск, сам и буду отвечать. Дурак, недоумок, поддался на удочку Митяя. Кубик Рубика! Пятиповоротный! Ох, наглец. Он специально меня подготовил, чтобы самому не рисковать. Подставил меня и смылся. Так мне и надо. Головы нет на плечах – отдувайся другим местом!»

Не совсем понимал Серёжа, о чём размышляет брат, но, кажется, какая-то картина вырисовывается. Значит, Вову кто-то подговорил, обманул, заставил залезть в эту аптеку. Кто такой этот Митяй? Надо бы как-то выведать у Володи. Но, как? Он такой закрытый сейчас, замкнулся и купается в своём самоистязании. Пока он не наделал ещё глупостей и в милиции не определились с окончательными выводами по делу о попытке ограбления аптечного киоска, надо выручать брата.

На следующий день, придя из университета, Серёжа с порога заявил Володе:

– Там во дворе какой-то Митяй кричит и называет твоё имя. Я спросил его, что ему надо, но он, увидев меня, быстро зашагал прочь, словно прячась или убегая от меня, – так Серёжа путём небольшого обмана пытался выяснить что-нибудь о Митяе.

– Где Митяй? – встрепенулся Володя. – Что он кричал?

– Не знаю, я не понял ничего. А кто он такой, этот Митяй?

– Да, есть такой, – хотел, было, Вова что-то пояснить, но потом осёкся и замолчал.

– Откуда ты его знаешь? У нас во дворе я таких раньше не видел.

– И хорошо, что ты не видел.

– Это он заставил тебя залезть в аптеку? Скажи, Вова, не молчи. Если не скажешь, все будут считать, что ты – вор. А он будет ходить чистеньким и снова совершать свои грязные делишки.

Володя молчал. Ему и хотелось уже открыться брату, слишком долго он носил в себе эти печальные воспоминанья и терзанья. Хотелось рассказать и покаяться в том, что он так легко попался на удочку наркомана. Ему казалось, что все будут считать его, Вову, совсем глупеньким, несмышлёнышем. А это так неприятно, ведь, он уже почти взрослый мальчик. И так унижить себя! Так поддаться на обман!

На этот раз не удалось Серёже выведать у брата все подробности его знакомства с Митяем, и он решил продолжить наблюдения и прислушиваться к мыслям Володи.

«Неплохо было бы ещё побывать рядом с Анастасом, чтобы больше увеличить свой мозговой потенциал, – размышлял Серёжа, —а ещё лучше было бы сейчас пообщаться с Иллианом. Тогда, наверняка, я смог бы получить от Вовы информацию об его делах. А, может быть, пригласить сюда, к нам, Анастаса, ведь, у него энергетическое поле куда более мощное, чем у меня. А зачем же я его приглашу? Да, надо прямо сказать, что я хочу вместе с ним послушать Вову. Хотя, нет, нельзя. Тогда и Вова будет улавливать мысли от мощного энергетического поля Анастаса. Ведь, так уже бывало и раньше. Нет, придётся мне самому наводить здесь порядок».

Следующий день тоже не принёс никаких новостей. И Вова, и Серёжа, по отдельности, «варились в своих котлах». Новая попытка вызвать брата на откровенность не принесла успехов. Их родители всё время были в растерянности, не зная, что им предстоит претерпеть в связи с недостойным поведением сына.

Вадим Петрович не раз вызывал Володю на откровенный разговор, но, надо отдать должное мальчику, он до сих пор не выдал Митяя. И это твёрдое упорство сына всё время терзало и мучило отца и мать. Они чувствовали свою вину, но не знали, в чём она и как её исправить.

Наконец, через пару дней, утром, ещё до ухода семьи на работу и на занятия, в коридоре прозвенел звонок. В квартире было тихо, каждый член семьи собирался к выходу, молча. Только Вера Никифоровна постукивала на кухне ложками, тарелками, готовя для всех завтрак.

Серёжа подбежал к двери, удивляясь раннему звонку, и посмотрел в дверной глазок.

– Там милиция, – тихо, обращаясь к отцу, сказал Серёжа.

– Открой, сынок.

Когда дверь открылась, лейтенант, шагнув навстречу, представился:

– Лейтенант Никоненко. Разрешите войти?

– Прошу Вас, лейтенант, только у нас – мало времени, мы собираемся на работу, дети – в школу, в университет.

– Я вас надолго не задержу. А пришёл пораньше, чтобы застать всех дома. Дело в том, что сегодня ночью в том же аптечном киоске совершён взлом и кража. За три минуты, пока милиция приехала, успели открыть окно, залезть внутрь и унести деньги и кое-какие лекарства. Подготовка была выполнена отлично.

– Но, причём тут мы? – растерянно спросил Вадим Петрович, – мы все дома...

– Есть подозрение, что кражу совершил тот же человек, или те же люди, которые в прошлый раз стояли за вашим сыном. У нас есть кое-какие соображения на этот счёт, поэтому хотелось бы пару вопросов задать сыну в Вашем присутствии.

– Хорошо, задавайте. Володя, подойди, пожалуйста, сюда.

Вова разговор слышал и стоял в своей комнате бледный, ожидая, что сейчас его заберут в милицию. Он подошёл и, молча, глядя на милиционера, остановился около него.

– Скажи-ка, Володя, – обратился к нему Никоненко, – ты уже вспомнил за эти дни, кто был с тобой, когда ты залез в аптечный киоск, или, кто тебя научил этому?

Володя молчал, то ли от испуга, то ли оттого, что ещё не решился выдавать Митяя. Хотя, чего бы его так оберегать? Ведь, он – не друг его и не родственник, а так – малознакомый мальчишка из соседнего двора.

– Не молчи, сынок, и не бойся, – попросила сына Вера Никифоровна, которая, вытирая фартуком руки, вышла из кухни.

– Ну, мы слушаем, – Никоненко чувствовал, что мальчик готов всё выложить, но не может сделать первый шаг. – Ведь, ты там был не один?

– Нет.

– А кто ещё был? Кто-то из взрослых?

– Мальчик из соседнего двора. Митяй его зовут.

– Сколько лет ему?

– Я не знаю, может быть, семнадцать.

– Ты знаешь, где он живёт?

– Нет, я с ним встречался только на улице.

– Хорошо, мы найдём его. Он тебя заставил залезть в аптеку?

Вова молчал. Ему не хотелось признаваться, что всё это произошло только потому, что захотелось занять кубик Рубика, чтобы пощеголять им перед своим братом.

– Ну, ладно. Я выяснил всё, что сегодня надо было мне узнать. Разговор продолжим потом в отделении милиции.

– Когда? – встревожилась снова мама.

– Сегодня идите по своим делам, мы вас вызовем, – и лейтенант, попрощавшись, вышел из квартиры.

Через два дня принесли повестку, чтобы завтра к десяти часам утра Вадим Петрович вместе с Вовой явился в отделение милиции.

Как только Вова вслед за отцом вошёл в кабинет к следователю, то сразу увидел у стены на стуле Митяя и ещё двух незнакомых парней постарше его. Вова остановился на секунду, потом, по приглашению человека в гражданской форме, сидевшего за большим столом, прошёл на указанное ему место.

– Следователь Богдан Антон Николаевич, – представился человек за столом.

Минуту в кабинете была тишина, все молчали. Только следователь внимательно следил за поведением сидевших рядом трёх парней и, одновременно, поглядывая на Володю Умарова.

– Ты знаешь кого-нибудь из этих людей? – обратился к Володе Антон Николаевич.

– Да, вот этого знаю. Это – Митяй. Он мне показал, куда надо залезть и что взять, – наконец, у Володи пружина сдерживания освободилась, и он вмиг почувствовал облегчение на душе, словно сняли с него некую ношу, висевшую в последнее время за спиной.

– Ты уверен в этом?

– Да, это он.

– Он тебя заставил залезть в аптеку?

Володя опять задумался. Ведь, никто его не заставлял, он сам решил это сделать, ему только подсказали.

– Нет, не заставлял.

И тут Володя начал рассказывать всё, что связывало его с Митяем. Вадим Петрович слушал его и не понимал, как мог его сын так глупо попасться на удочку жулика-наркомана. А следователь Богдан даже улыбнулся снисходительно в то время, когда Вова рассказывал о желанном кубике Рубика.

Митяй не проронил ни слова и, казалось, что всё, здесь происходящее, его не касается и не интересует.

Глава 8

Загруженный проблемами на работе, Анастас почти совсем перестал уделять внимание своим девочкам.

Светлана понимала его и никогда не высказывала недовольства по этому поводу. А вот Анютка всё чаще и чаще стала обращаться к нему, то с одной просьбой, то с другой. И просьбы эти заключались не только в том, чтобы забравшись к нему на плечи, изобразить «коняшку» с маленькой девочкой, но и в том, чтобы объяснить, почему на улице холодно, а в доме тепло, или, зачем они ложатся спать вечером, а утром все просыпаются. Такими вопросами годовалая девочка ставила отца в тупик. Конечно, он знал ответы на них, но его удивляла сама постановка вопросов и чёткая их формулировка. Анастас, не очень искушённый в вопросах воспитания детей, всё же понимал, что его девочка не по годам разумна и развивается очень быстрыми темпами.

– Папочка, ты бы погулял с дочкой на улице, – как-то в воскресенье обратилась Светлана к Анастасу. – Вам обоим нужен свежий воздух. Ты сидишь со своим мыслетроном, и Анята мало бывает во дворе.

– Хорошо, дорогая, собирай малышку, я сейчас закончу работу и выйду с ней, на санках её покатаю.

– Вот и хорошо, а я завершу свои дела.

Через пятнадцать минут уставший, но счастливый папаша вывез своё чадо на прогулку. Он посадил девочку на санки и начал бегать по дорожке. Она смеялась, кричала отцу, чтобы он быстрее бежал, а она, при этом, тормозила ножками, опуская их в снег. Оба были довольны и счастливы.

Вдруг, Анастас уловил какие-то слова, произнесённые и услышанные им откуда-то изнутри.

– Девочка, Анечка, ты хорошо смеёшься, мне приятно видеть тебя весёлой. Я сегодня впервые к тебе обращаюсь. Ты меня слышишь?

Анастас остановился и внимательно посмотрел на дочку, а та притихла, сидя на санках. Сначала было полное молчание, потом, вдруг, Анята вскочила на ноги, смешно и, одновременно, умилительно произнесла:

– Я тебя слышу. Я тебя всё время слышу. И вчера слышала, и раньше тоже.

– Но, я с тобой не разговаривал, я только наблюдал за тобой.

– И я наблюдала за тобой.

– ???

Тишина и шум в голове после этой фразы вывели Анастаса из оцепенения.

– С кем ты разговаривала, Анюточка?

– Ни с кем. Я всё время ни с кем разговариваю.

– А как же это так можно – ни с кем разговаривать?

– Я только молча, папочка.

– А ты знаешь, кто это?

– Это мой друг, я его часто вижу во сне, он ко мне приходит.

Анастас догадывался, что эти явления как-то связаны с его прошлыми контактами с генианцами. Но, причём тут его малолетняя дочка? «Если генианцы тут, на Земле, то они могли бы связаться со мной, а не с этой крохатулкой. Что они задумали, и как теперь мне с ними связаться?»

Анастас понимал, что находясь в непосредственной близости, почти в одной точке, с дочерью, он уловил слабую мыслительную энергию кого-то из генианцев.

– Папа, давай ещё покатаемся, – попросила дочка, уже совершенно забывшая о только что происшедшем разговоре с невидимым собеседником. Ей легче, чем отцу: у неё мозг быстро перестраивается, он ничем ещё не загружен, да, и само воздействие чужого энергетического поля, проявляющееся в её жизни с первых часов её существования на этой Земле, совсем по-другому воспринимается и кажется вполне естественным и понятным.

– А головка у тебя не болит? – спросил Анастас.

– Нет, папуля, мне очень хорошо. Поехали, – ответила девочка, уже усевшаяся на санки.

– Ну, хорошо, сейчас мы поедem домой.

– Только давай быстро-быстро.

Придя домой, Анастас не стал рассказывать жене о контакте дочки с неведомым партнёром. Он должен сначала переварить это в голове и, сделав некоторые выводы а, может быть, получив ещё какие-нибудь доказательства, потом сообщить Светлане потрясающую новость относительно тайной «жизни» их любимой крошечки-дочки.

Анютка, как всегда, приходя с прогулки, домой, была весела и говорлива. Она щебетала с матерью, а та, слушая её, улыбалась и радовалась здоровью и весёлому нраву дочурки.

– Хорошо погуляла, Анюточка? – спросила она, как только дочь освободилась от верхней одежды.

– Да, мамуля, мы с папой катались на санках.

– Кто-то катался, а кто-то бегал с санками, – уточнил отец. Он говорил, но в голове, при этом, билась одна мысль:

«Как же это получилось? Генианцы вышли на контакт с дочерью, а мне даже не известно об их прибытии на Землю. Значит, я им уже не нужен, у них свои планы, свои цели».

Не имел Одинцов права обижаться на генианцев, они ему ничего не обещали и не назначали встреч. Но, подслушанный разговор генианца с Анюткой – он уже признал, что это был генианец – всё-таки вызвал некоторую обиду и растерянность.

«Почему девочка? Совсем маленькая? Отчего не я? Я их чем-то не устраиваю. Может быть, они, ожидая от меня, как было с ними договорено, эффективно работающий мыслетрон, и, не получив его за эти годы, разочаровались во мне и решили, что я не тот человек, с кем можно иметь дело? Да, надо форсировать эти работы, ведь, осталось не так много переделок. Тогда можно ожидать встречных действий со стороны Иллиания или Иллианы. А может быть, с Анютой общался совсем не генианец, а кто-то другой? Представитель иной планеты?»

Не найдя другого, более понятного объяснения происшествию во дворе на прогулке с Анютой, Анастас пришёл к одному выводу – надо закончить доработку мыслетрона, получившего повреждения в руках бандитов, и ожидать контакта с генианцами. Одновременно, можно будет начать опыты с людьми, сначала – с друзьями на работе, потом..., пока неизвестно, что будет потом.

С этого момента Анастас стал чаще бывать с дочерью дома и на улице. Он старался быть поближе к ней, чтобы снова уловить речь или сигналы, которые будут подаваться дочери.

Иллиан после общения с маленькой Анютой чувствовал некоторое удовлетворение оттого, что он впервые поговорил с ней, что все предыдущие входы в её мозговое поле дали положительный результат. Девочка стала реагировать на его слабый энергетический луч и, как показал последний контакт, не просто улавливать, но и понимать информацию, посылаемую Иллианом в этом луче.

– Ты знаешь, отец, сегодня я пообщался с маленькой девочкой. Она меня слышит, отвечает мне, а её энергетический потенциал значительно возрос с тех пор, как я стал входить в её мозговое поле, – говорил Иллиан своему отцу.

– Что-то ты, сын, необычно эмоционально выглядишь, рассказывая об этой девочке, – заметила Иллиана, – не слишком ли быстро ты входишь в её жизнь?

– Я тоже считаю, что нельзя часто и активно внедряться в мозговое поле маленького человека, – поддержал её Иллианий, – это может навредить ему. Мы знаем уже, что детский человеческий организм развивается медленно, в соответствии с природой человека, историей развития человечества. И, если мы будем активно вмешиваться в это развитие, то мы не получим точных результатов наших наблюдений.

– Я очень осторожен, отец, – немного спокойнее, чем раньше, произнёс Иллиан, – я не буду делать так, чтобы навредить этой девочке, но мне хочется слышать и чувствовать её присутствие.

Иллианий и Иллиана, «переглянулись» по-своему, по-гениански, с некоторой, если бы речь шла о человеческих родителях, «хитринкой».

Ещё несколько дней не выходил Иллиан на контакт с Анютой, но издали наблюдал за ней. Ему это нравилось, и он с каким-то особым желанием направлял свой энергетический луч в её сторону. И, хоть мощность этого луча была совсем незначительной, он всё равно оказывал положительное воздействие на мозговое поле маленькой девочки и, таким образом, усиливал его. Анята развивалась слишком быстро и в свои почти полтора года она имела умственное развитие десятилетней девочки. Однако, её физическое развитие значительно отставало от развития умственного. Это, наряду с Анастасом и Светланой, вызывало теперь беспокойство и у Иллиания.

– Я не вижу никаких медицинских отклонений у девочки от нормы – ни физических, ни психических, – сказал профессор, к которому, в очередной раз, Светлана привела Анюту на приём. – Да, она не по возрасту развита и умна, значит, будет гением. Тем не менее, наблюдать её надо постоянно – иногда слишком быстрое развитие приводит к нежелательным результатам. Приводите её через месяц, я ещё посмотрю на неё. А пока, в течение этого месяца, наблюдайте за ней дома, и всё, что вызывает у вас подозрение, фиксируйте чётко по времени и записывайте в журнал, в тетрадь, куда угодно.

– Хорошо, профессор. Спасибо за приём и ваше участие.

Зимние дни бежали один за другим. Светлане прибавилось хлопот по дому, она добросовестно выполняла рекомендации медиков. Более того, она стала ещё требовательнее относиться к Анастасу и просила, чтобы тот активнее подключился к воспитанию своей дочери. Анастас никогда не отказывался от этого, тем более, что он после выявления контактов генианцев с Анютой, имел свои соображения по этому поводу. Но, его плотный график работы в институте и доработка мыслетрона дома оставляли мало времени для выполнения всех просьб жены. Он раздражался, замыкался в себе, а иногда выходил на конфликт с ней. В такие времена в доме было молчание и тишина. Только Анятка не испытывала никакого дискомфорта и даже не представляла, что могут быть какие-нибудь причины для уменьшения счастья и мира в семейных отношениях. Так было у них в доме и прежде, до появления на свет дочери и после него. И, казалось, так будет всегда.

Глава 9

Одинцов, не выспавшись, с покрасневшими глазами пришёл на работу. Вчера вечером он опять поссорился со Светланой, потом под горячую руку попала и маленькая Анютка. Он не захотел с ней играть, она плакала, чем ещё больше рассердила отца, и кончилось это тем, что Светлана резко подхватила дочурку на руки и вышла с ней в другую комнату. Ещё долго раздавались оттуда всхлипывания ребёнка, а успокаивающие слова матери, не оказывали на дочь желаемого эффекта. В конце концов, всё стихло, и Анастас, чтобы отвлечься от семейной неурядицы, полностью окунулся в свои дела по доработке мыслетрона. Казалось, эта небольшая ссора только прибавила ему энтузиазма и он, не отрываясь от работы до самого утра, сумел полностью закончить доработку последнего блока.

Теперь можно продолжить, прерванные два года тому назад исследования и изучение воздействия внешнего энергетического поля на мозг человека. Но, не вызывало у Анастаса появление этой возможности восторга и радости, как это было ранее, когда он впервые закончил работы над мыслетроном. Отчего это так? Или оттого, что теперь Анастас стал взрослее и менее романтичным, или оттого, что он теперь уже живёт не один и отвечает за жизнь двух самых близких и дорогих ему людей? Или участвовавшие ссоры в семье выбили его из колеи романтики и иллюзий? А, может быть, это – обида и труднообъяснимое опасение за Анютку оттого, что генианцы, появившись на Земле, не вышли на контакт с ним, а стали общаться с дочерью? Для чего? Почему так?

Зайдя в свой кабинет, Одинцов пригласил на совещание своих ближайших сотрудников или друзей, с которыми не один год он бок о бок трудился над институтскими программами.

Пришли Надежда Григорьевна, Валерий, Токарев Николай, Новожилов и ещё двое молодых специалистов, которых через отдел кадров Одинцов смог привлечь для работы в своём отделе. Опыты по регенерации нервных клеток организма человека требовали большого количества времени и наблюдений. Эти работы и были поручены молодым ребятам: Олегу Свинцову и Шурику Большому. Олег был маленький, щупленький, а Шурик вполне соответствовал своей фамилии и был грузный, медлительный. Они вместе смотрелись забавно, но работа спорилась у них в руках одинаково легко.

– Надежда Григорьевна, – обратился Одинцов к самой старшей в отделе и наиболее уважаемой сотруднице, – доложите нам, чем закончились, или ещё не закончились, последние ваши наблюдения. Какие выводы мы сегодня можем сделать о двойном и тройном превращении нейронов и можем ли мы, по вашим наблюдениям, сегодня сказать, что в той среде, куда мы помещаем нервную ткань, есть все условия для поддержания жизненных функций нервных клеток и успешном их превращении в новые, более устойчивые формирования?

– Анастас Иванович, – опередил с ответом Надежду Григорьевну Токарев, – я предлагаю пока не обсуждать и не делать никаких выводов, потому, что по тем результатам, которые получены нашей группой, можно сделать выводы, как отрицательные, так и положительные. Есть предложение – дождаться дополнительных фактов, которые, мы надеемся, скоро получим из наблюдений Олега Свинцова и Большого.

– Я согласна с Николаем, – поддержала это предложение и Надежда Григорьевна, – ведь, нам важнее не срок выдержать, а иметь достоверные, стопроцентные факты.

– Нам важно и то, и другое, – прервал её Одинцов, – и нам никто не позволит срывать планы института. Я уже не говорю о каких-то там премиях, или званиях.

– Анастас Иванович, – встал во весь свой могучий рост Шурик Большой и, заполнив, при этом, значительную часть кабинетного пространства, – у нас намечаются кое-какие результаты, но нам надо ещё несколько дней, чтобы мы с уверенностью могли сказать о них и доказать

это бесспорно. Наши компьютерные проработки сейчас должны быть закончены и сравнимы с практическими, опытными результатами.

– Я вас всех очень понимаю и даже поддерживаю, – сказал Одинцов, – но, кто меня поддержит, когда директор вызовет меня «на ковёр»?

– Ананас, ой, извините, Анастас Иванович, – как-то, слишком уж развязно, обратился Сергей Новожилов к своему шефу, – мы не раз с тобой проходили такие чистилища, пройдем и сейчас.

– Проходить-то, мы проходили, Сергей Андреевич, – подчёркнуто официально, ответил ему Одинцов, – но, дисциплина не должна быть на последнем месте в нашей работе. Не успеете сделать к сроку – можно и посидеть час-другой после работы. Ничего страшного не случится.

Анастас после назначения его начальником отдела, бывало, и раньше отчитывал своих сотрудников, но тогда это было на уровне пожеланий и просьб, а сегодня, после вчерашней домашней раздражённости, он выглядел совсем по-другому, более сурово и требовательно. Это заметили все, сидевшие в кабинете, и как-то тревожно и удивлённо смотрели и слушали своего шефа.

Поговорив ещё некоторое время, все сотрудники разошлись по своим рабочим местам, а Одинцов направился на доклад к директору.

О чём там был разговор, не трудно догадаться, и Одинцов, раскрасневшийся и нервный, долго не мог успокоиться.

В таком состоянии он вечером пришёл домой.

– Стасик, переоденься и приходи на кухню, я накрою на стол, будем ужинать, – спокойно обратилась к нему Светлана.

– Не хочу я ужинать. Позже подойду, – слишком резко ответил Анастас, чем немало удивил свою жену.

– У тебя неприятности?

– Всё в порядке.

– Почему ты такой возбуждённый? – не отступала Светлана. Она по-прежнему любила его и чувствовала самые незначительные колебания в настроении. – Мы с Анютой так ждали тебя...

– Я выйду немного позже, – оборвал Анастас.

Спустя час, Светлана зашла в комнату к Анастасу, молча, приблизилась к нему сзади и тихо прислонилась к его волосам губами.

– Идем в кухню, Стасик. Анютка уже уснула, а я без тебя не буду садиться за стол.

Нежное прикосновение жены и ласковый, успокаивающий голос вывел Анастаса из состояния отрешённости, и он, вслед за ней, вышел на кухню.

Через два дня, когда Анютка щебетала, подпрыгивая на коленях у отца, Анастас, вдруг почувствовал, как дочка притихла, перестала выкручивать ему руки и что-то шёпотом повторяла, повторяла.

Сразу после этого Анастас услышал голос, рождающийся у него в голове, какой он не слышал при разговорах с генианцами. Нечто похожее бывало у него и при общении со Светланой, а также с Серёжей Умаровым. Только теперь этот голос был как бы, вне и одновременно внутри его, и, в то же время, казался чужим, посторонним.

– Я снова пришёл к тебе, девочка, – услышал Анастас, – я скучал эти дни, не видя тебя.

Ответа Анастас не услышал и внимательно посмотрел на дочь.

– Здравствуй, Аня, как ты себя чувствуешь?

Снова ответа не было слышно. Только губки Анюты что-то шептали, и она внимательно смотрела вдаль, в окно, на улицу.

На её лице отображалось некоторое состояние удовлетворённости или, может быть, радости. Детские эмоции трудно скрыть, они точно выражают те чувства, которые в данный момент владеют человеком.

– Мне отец говорит, что моё общение с тобой может нанести вред тебе, и я хочу точно знать, не чувствуешь ли ты какое-нибудь неудобство или расстройство после моего появления рядом с тобой?

Анастас слышал все эти вопросы, ему было трудно сдерживаться и не вступать в разговор, ведь, любая его мысль могла быть услышана генианцем, а он не хотел раньше времени обнаруживать себя. Необъяснимая ревность терзала и удерживала его от решительного шага.

Непонятым было только то, что ответы Анюты, если они были, совсем не воспринимались Анастасом. А она, тем временем, полностью предалась общению с невидимым, но приятным собеседником. Можно только предполагать, что ощущала, при этом, маленькая девочка, но всё её поведение говорило о том, что ей было весьма приятно и интересно. Но, ведь, ей не было ещё и двух лет!

Анастас, не спуская глаз с одухотворённого личика дочери, начал понимать, что разум их несмышлёной малышки уже подвержен изменению, благодаря общению с внеземным представителем, и она уже совсем не та девочка, которая должна была быть в свои неполные два года. Такая догадка и обрадовала Анастаса и, одновременно, испугала. Трудно предположить, как поведёт себя в дальнейшем человеческий, ещё не совсем сформировавшийся, мозг. И что ждёт впереди этого человека?

А девочка всё ещё находилась в другом мире, хотя и сидела до сих пор на коленях у отца.

– Если с тобой, Анята, всё в порядке, я буду чаще появляться здесь и вступать с тобой в контакт. Я вижу твоё быстрое развитие, и отец мой доволен моими наблюдениями.

Слабый шёпот в ответ слышал Одинцов, только слов разобрать не мог.

Затем Анастас услышал то, что давно хотел слышать.

– Меня зовут Иллиан, я с планеты Гениания. Тебя я знаю, Анята. Теперь и ты можешь называть меня по имени. Со временем, у нас будет возможность общаться более длительное время. И, может быть, позже ты сможешь побывать на нашей планете. А теперь, до свиданья.

Такое признание Иллиана ещё более расстроило Анастаса. Как же так, генианцы на Земле, а с ним, Анастасом, даже не пытаются связаться? А вот с его дочкой, малолеткой, пожалуйста. Она же ещё ничего не понимает. Зачем всё это? Ответа Анастас не находил.

Глава 10

Когда Вадим Петрович вместе с Володей собирался пойти в суд, Серёжа всё время был рядом и переживал за своего брата.

– Возьмите меня с собой, – просил он отца, – мне очень хочется посмотреть на того воришку-наркомана, когда ему будут зачитывать приговор.

– Во-первых, в этом нет ничего интересного, а во-вторых, в повестке, которой нас туда вызвали, нет твоего имени, поэтому тебя туда не пустят, – возражал отец. Но, ему тоже хотелось, чтобы Серёжа присутствовал рядом с Володей, поддержал его. Хотя, с помощью адвоката, и удалось несовершеннолетнему Володе изменить статус подозреваемого на статус свидетеля, всё же он сильно волновался и нуждался в крепкой поддержке близких людей.

– Но, я же могу быть в качестве зрителя, – не отступал Сергей.

– Не знаю, Серёжа, будут пускать туда зрителей, или нет, – Вадим Петрович тоже не был искушён в судебных делах, но всё же, наконец, согласился на присутствие Сергея.

– Ура-а, – закричали от радости оба брата. Сейчас они были таким равными, настоящими близнецами. Разница в их развитии совершенно не заметна.

– Встать, суд идёт, – произнесла девушка, секретарь суда, и все присутствующие замолкли, дождавшись, наконец, начала судебного заседания. Володя с отцом остались в комнате для свидетелей, ожидая приглашения. Серёжа сначала хотел остаться вместе с ними, но потом передумал и проскочил в зал заседания. Народу было немного: два человека со стороны истца, видимо, директор аптеки и кто-то из её работников, и ещё два сидящих отдельно человека – скорее всего, родственников обвиняемого Митяя.

На скамье подсудимых сидели внешне спокойный Митяй и второй, такого же возраста, мальчишка.

– Слушается дело по обвинению Искрова Дмитрия Семёновича и Егорова Алексея Петровича во взломе аптечного киоска по улице Казанской, 26, происшедшем двенадцатого февраля сего года, а также – в краже психотропных лекарственных препаратов, денег в сумме две тысячи сто двадцать рублей и в попытке вовлечения несовершеннолетнего Владимира Вадимовича Умарова, имевшей место ранее, в свои противозаконные действия. Слово предоставляется стороне обвинения.

Выступления обвинительной стороны и адвоката подсудимый Митяй выслушал с полным безразличием, словно речь шла совсем не о нём. Егоров же постоянно вскакивал, пытался что-то выкрикнуть, но судья вовремя его обрывала и усаживала на место.

Когда в зал были приглашены свидетели Володя Умаров и Вадим Петрович, Серёжа напрягся и стал в упор смотреть на брата, словно, хотел подбодрить, успокоить, помочь ему. А помощь эта Володе, действительно, была нужна, потому, что было видно, как он волновался, нервничал. Даже Вадиму Петровичу передавалось это волнение, но он с достоинством выдерживал внешнее спокойствие и помогал сыну отвечать на вопросы судьи. Серёжа всё время мысленно повторял одни и те же фразы: «Спокойно, Вова, ты ни в чём не виноват. Спокойно, Вова...».

Недолго длилось судебное заседание, и только, когда судьи удалились в совещательную комнату, Серёжа подошёл к Володе и нежно, по-братски, обнял его за плечи. Тот не сопротивлялся жесту поддержки брата и ответил поклоном головы в его сторону. Оба в это время снова почувствовали, что они близнецы, любят друг друга, и никакой пропасти, или даже отчуждения, между ними нет.

Полтора года лишения свободы были назначены в качестве наказания Митяю за все его в совокупности преступления. Алексей Егоров должен будет отбыть один год в колонии общего режима.

Вадиму Петровичу было сделано предупреждение за ненадлежащее воспитание своих детей. Володя с Серёжей, обнявшись, вышли из здания суда, радуясь, что всё завершилось и, снова почувствовав искреннюю, братскую любовь друг к другу.

Митяй, в течение всего процесса, даже ни разу не посмотрел в сторону Володи, словно, того и не существовало, или он был недостоин его внимания или какого-либо отношения. А Володя, на фоне ощущения облегчения и освобождения от давящего на него в последнее время чувства вины, как-то, по-своему, по-мальчишески, жалел Митяя. Серёжа заметил это и, уловив мысли брата, старался, молча, внушить ему только одно: «Ты не виноват, а виновный должен нести заслуженное наказание. В будущем же, всегда, при любых действиях, включай разум. Только разум поможет тебе в дальнейшем избежать подобных ситуаций».

Вадим Петрович, глядя на идущих рядом сыновей, не вмешивался в их разговор, понимая, что вот это их братское единение сейчас для них дороже любых слов.

Вера Никифоровна, открыв дверь пришедшим домой мужчинам, увидев на лицах их выражения, без всяких расспросов обняла детей и нежно, по-матерински, сказала:

– Вот видите, всё закончилось, я очень рада за вас, что вы с честью выдержали это нелёгкое испытание, – больше она ничего не сказала, понимая, что лишние слова – это напоминание о неприятном моменте в жизни их семьи, о котором надо забыть, как можно скорее.

На следующий день Серёжа позвонил Одинцову и предложил встретиться. Он хотел поделиться радостью с другом, рассказать ему о процессе и просто пообщаться. Анастас с радостью принял предложение и, в свою очередь, пригласил Серёжу к себе домой, чтобы тот посмотрел на Анютку и поиграл с ней.

Анастас сразу подумал о том, что, если Аня уже получила некоторый энергетический потенциал от Иллиана, то и Серёжа может почувствовать это, ведь, частоты их мыслительной энергии после общения каждого из них с генианцами, должны быть близки друг к другу.

– Можно, я приду к тебе с Вовой? – спросил Серёжа Анастаса.

– Конечно, Серёжа. Это будет очень здорово.

Они договорились о встрече в воскресенье, когда у всех будет возможность оторваться от своих дел.

Два дня прошли в ожидании приятного события. Серёжа с Вовой, пообещав родителям не задерживаться в гостях надолго, отправились к Анастасу. Семья Одинцовых после смерти Натальи Андреевны жила в квартире Светланы, которая была больше однокомнатной квартиры Анастаса и удобнее для семейной жизни. В свою квартиру на пятом этаже Анастас заходил не часто. Сначала ему хотелось забыть о неприятных событиях в его жизни, связанных с этой квартирой, потом, когда всё это стало забываться, уже не было острой необходимости туда заходить.

– Здравствуйте, здравствуйте, братишки-кузнечики, – радостно произнесла Светлана, когда Умаровы появились у неё на пороге.

– Почему же кузнечики? – спросил Анастас, выходя из комнаты навстречу к братьям.

– Это я так, к слову пришлось. Ведь, я до сих пор не могу их отличить друг от друга. Они, как кузнечики, одинаковые.

– Заходите, проходите, мальчики, – пригласил Анастас, – а вот это наша Анюточка, – и Анастас поднял на руки подбежавшую дочку.

– Серёжа, Володя, – по очереди за руку, как взрослые, поздоровались братья с девочкой. А она, несколько не смущаясь, ответила на приветствие протянутой ручкой и сказала чётко и ясно:

– А я – Аня, дочка моего папы и моей мамы.

Братья, улыбнувшись, переглянулись и вошли в комнату.

Чистая, ухоженная квартира Одинцовых и приветливая встреча хозяев позволили расслабиться братьям, особенно Володе, который чувствовал себя несколько стеснённым в обще-

стве взрослых людей. Ну, и Анюточка внесла свою лепту в дело адаптации Умаровых, она взяла каждого из них за большой палец и смело повела в свою комнату.

– Анюточка, оставь мальчиков нам, мы хотим пообщаться с ними, а потом уж ты покажешь им своё хозяйство, – улыбаясь и радуясь непосредственности дочери, попросила Светлана.

– Мамамочка, а разве они не ко мне пришли?

– Нет, дочка, они пришли к нам в гости, поэтому мы обязаны предложить им сесть за стол, угостить их, а потом уж – всё остальное.

– Хорошо, мамочка, а давайте поделим их поровну: одного – вам с папой, а другой со мной останется. Так как они оба одинаковые, то никому из нас обидно не будет. Хорошо? Я беру себе вот этого, – и Анюта потянула за собой Серёжу, а Володю подтолкнула в сторону матери.

Родители Анюты и мальчики дружно засмеялись, услышав доводы Анюты по поводу разделения гостей. Слушая слова, выходящие из уст маленькой девочки, невозможно было не удивляться и, тем более, отказать в её просьбе.

– Ну, хорошо, Анечка, на десять минут мы отдаём тебе на растерзание Серёжу, ведь, ты Серёжа? – глядя на обоих братьев, произнесла Светлана.

– Да, я – Серёжа, – подтвердил Сергей и пошёл вслед за Анютой.

– А почему ты выбрала этого мальчика, а не другого? – вступил в разговор Анастас. – Ведь, они одинаковые.

– Нет, я Серёжу не отдам, – уверенно произнесла Анюта и закрыла за собой дверь детской комнаты.

– Вот капризная, – сказала Светлана и обратилась к Володи, – ведь, ты не обидишься, Вова, если побудешь с нами, пока они там посекретничают?

– Нет, тётя Света, я не обижусь.

– Вот так я теперь сумею вас различать: ты будешь меня называть тётей Светой, а Серёжа зовёт меня просто Светланой.

И снова в комнате раздался смешок – добрый и приветливый.

Как только Серёжа и Анюта оказались вдвоём, и она стала показывать ему свои игрушки, Серёжа почувствовал, что он слышит и понимает девочку раньше того, как она назовёт очередную игрушку. Он не знал, как и почему это происходит, хотя для него знакомо такое общение. Но, раньше это было с Иллианом, Анастасом и немного с Володей – Серёжа знал это. Но, теперь он слышит девочку, дочку Анастаса. Почему? Беря из рук Анюты одну игрушку за другой, Серёжа всё время повторял вопрос «почему»?

– Тебе не нравятся мои игрушки, Серёжа? – спросила Анюта.

– Наоборот, очень нравятся.

– Почему же ты молчишь?

– Я не молчу, Анюта, разве ты не слышишь, я тебе отвечаю?

– Нет, я не слышу твоего голоса, только шум какой-то, и всё.

– Хорошо, я буду говорить громче, – согласился Серёжа. Дальнейшее знакомство с игрушками проходило без заминок и остановок. Анюта без умолку щебетала, чем вызывала немалое удивление Серёжи.

– Ну, вот, дети, заканчивайте, играть, – сказала, входя в комнату, Светлана.

– Не обижайся, Серёжа, обед готов, стол накрыт, пошли кушать, – у детей это предложение не вызвало явного желания оставить своё занятие. Им вместе было приятно.

– Пойдём, пойдём, Анюта, а то Серёжа умрёт тут с голоду. Анюта такие слова, видимо, приняла всерьёз и, быстро вскочив, потянула за собой Сергея.

– Пошли скорее, Серёжа, я не хочу, чтобы ты умирал.

За столом сидели Володя и Анастас и что-то негромко говорили друг другу.

– А вот и мы, принимаете нас? – спросила Светлана.

– Проходите, садитесь сюда скорее, – приглашал Анастас, и Серёжа уселся рядом с хозяином, по другую сторону от Володи.

Когда все принялись за еду, Анастас стал спрашивать Сергея, как у него дела в университете, справляется ли он, и не трудно ли ему бывает понимать преподавателей? Серёжа неохотно и довольно лаконично отвечал на вопросы, время от времени поглядывая на Анюту. А та, ещё не совсем уверенно держа ложку, по-детски зажав её кулачком, почти по-взрослому отвечала на вопросы, относящиеся к ней и, искоса поглядывая на Серёжу. При этом Володя, кажется, совсем не интересовал её, хотя он был тут же, рядом, и не отличался от своего брата.

Закончив обед, Анастас сказал:

– Спасибо тебе, Светочка, всё было очень вкусно.

– Спасибо.

– Спасибо.

– Спасибо, – словно тоекратное эхо прозвучало вслед за этим.

– А теперь мы с Сережей пойдём в мой уголок, посплетничаем, а вы здесь не скучайте, – неизвестно, к кому обращаясь, предложил Анастас.

– Нет, папочка, я не хочу без вас. Я тоже хочу посплетничать.

– Вот с Володей и сплетничай, а мы пошли.

Анюта, надув губки и шаркая ножками, направилась в свою комнату, при этом, она исподлобья посматривала на Володю.

Недавно настрадавшееся и только-только начавшее оправляться от неприятностей сердце Вовы, вновь почувствовало некоторую обиду. Вот и Анастас хочет «посплетничать» с Серёжей, а малышка Анюта игнорирует его, Володину, компанию. Почему? За что так? Чем же он хуже брата? Только тётя Света одинаково по-доброму относится и к одному, и к другому брату. Ну, что ж, она — женщина, доброта ей от природы дана. Чтобы как-то заглушить обиду, Вова напросился к Светлане, помогать ей, мыть посуду.

– Вот это мужчина! Помощничек женщине, – обрадовалась Светлана, – повезёт той девочке, которая полюбит тебя. Хорошо, идём со мной, тоже посплетничаем, – этими шуточными словами Светлана смогла успокоить, заглушить Володину, неизвестно на кого возникшую, обиду.

– А я маме тоже всегда помогаю, – похвастался Вова, – нет, когда у меня есть свободное время.

– И часто у тебя такое время бывает?

– Ну, не очень. Но, я стараюсь.

– Молодец, Володя.

Светлана знала от Анастаса о взаимоотношениях братьев, о судьбе и успехах каждого из них. И самыми лучшими темами сейчас, при мытье посуды, могли быть только «сплетни», разговор ни о чём.

Анастас с Серёжей, уединившись в комнате, в своём уголке, тему для разговора не искали. Они понимали друг друга с полуслова и начали общение с воспоминания об Анюте.

– Очень смешная у тебя дочка, Анастас. Маленькая, но такая развитая и смышлёная, – сказал Сергей.

– Да, Серёжа, я сегодня тоже убедился, в том, что она быстро вырастет не просто так.

– А как же она вырастет?

– Её мозг, имея частоту своей мыслительной энергии, близкую к частоте моей энергии, очень быстро развивается, увеличивая свой энергетический потенциал под воздействием моего поля. Кроме того, и мать её, находясь постоянно рядом с нею и имея тоже повышенный энергетический потенциал, не последнюю роль играла в развитии девочки.

– Анастас, да вы семья гениев. Сверхчеловеки.

- Ну, ну, ну, Серёжа, не превозноси нашу семью. Получается, что мы, действительно, отличаемся от других людей, но, ... гений – это уж слишком!
 - Слишком или не слишком, но вы – необыкновенные люди.
 - Ты знаешь, Серёжа, я тебе должен сказать одну тайну, которая мучает меня уже несколько дней.
 - Что за тайна?
 - Здесь, на Земле, сейчас находятся генианцы.
 - Как? Ты с ними общался?
 - Нет, не общался. Они почему-то не хотят выходить со мной на контакт.
 - Откуда же ты знаешь, что они здесь, на Земле?
 - Вот в этом и вопрос. Я узнал, что Иллиан общается с моей маленькой дочкой.
 - С Анюткой?
 - Другой дочери у меня пока нет.
 - А как ты узнал об этом, Анастас?
 - Я случайно услышал слова Иллиана, обращённые к Анюте, но ответов я не слышал. Видимо, их общение началось недавно, и её мозговое поле ещё не приобрело той мощности, чтобы излучать достаточно много мыслительной энергии.
 - Вот, это, да! – только и смог воскликнуть Серёжа.
 - Да, такие дела. И его энергетическое поле в совокупности с нашими полями даёт такой необычный результат в развитии нашего ребёнка.
 - А ты не пробовал выйти на контакт с Иллианом?
 - Пока нет, но, наверно, придётся это сделать.
 - И узнать, где находятся Иллианий и Иллиана, и почему они не выходят на контакт с тобой.
 - Это меня тоже интересует, но, больше всего, я сейчас беспокоюсь за свою дочь.
 - Почему?
 - Потому, что, общаясь с генианцами с первых дней жизни, ребёнок может получить такую мощную энергетическую «подпитку», которая неизвестно, к чему приведёт.
 - А что может случиться?
 - Как в народе говорят, может «ум за разум зайти».
 - Тем более, надо выходить с ними на контакт, чтобы прояснить этот вопрос.
 - Да, Серёжа. Ведь, генианцы ничего зря не делают и, выйдя на контакт с малышкой, они что-то задумали. Но, что? Почему они со мной этот вопрос не обсуждали?
 - Ты говоришь, как чисто земной представитель, Анастас. А у них, может быть, не принято обсуждать, рассуждать, обговаривать.
 - Но, это наша жизнь, а они, как ты знаешь, никогда не вмешиваются в жизнь обитателей других планет.
 - Вот, поэтому и беспокоишься ты напрасно, Анастас.
 - Может быть, может быть.
- Обсудив ещё тему «возрождения» мыслетрона, Анастас и Серёжа вышли из комнаты, чтобы присоединиться к оставленной ими компании.

Глава 11

Зима не хотела оставлять, занятые ею позиции. Морозы и метели сменялись тихим, но обильным снегопадом. Казалось, что вот-вот наступит Новый год, и до весны ещё долго придётся кутаться в тёплые одежды. Однако наступивший апрель вселял надежду, что скоро придёт конец её леденящей власти, и солнце заставит утихомириться и пронизывающим ветрам и беспорядочно падающему сверху белому покрывалу.

Люди шли по заснеженным улицам, ругали городские власти за их нерасторопность или простое равнодушие, а в душе, всё равно, зарождалось приятное чувство ожидания весны, тепла, зелени.

Серёжа после неприятных событий, связанных с кражей в аптечном киоске, много времени проводил с братом. Он опекал Володю, старался помочь ему выполнять домашние задания и, более того, научил его делать всё это с желанием и интересом.

Однажды Володя сказал Сергею, что его друзья, то есть, их бывшие общие друзья с восьмого класса, просят прийти Серёжу в школу на вечер, посвящённый окончанию третьей четверти и рассказать им об учёбе в университете, о трудностях и особенностях обучения в высшей школе. Ведь, некоторые ученики начинают задумываться о своих планах после окончания школы. Да, и вообще, они помнят Серёжу и его знаменательный концерт с собачкой и хотят видеть его, пообщаться.

Серёжа согласился принять предложение, тем более что он и сам часто вспоминал друзей и неоднократно собирался прийти к ним в школу.

И вот, наконец, настал этот день. Сообщив родителям, что они уходят в школу на вечер отдыха, братья надели свои лучшие костюмы и с радостью отправились в путь. Разные были чувства у каждого из мальчиков. Серёжа волновался потому, что сегодня он сможет встретить всех друзей детства, учителей и просто побывает в стенах своей любимой, незабываемой школы. А Вова шагал рядом с братом и был горд оттого, что они, как и раньше, братья-близнецы, идут вместе в одно место, в школу, и с одной и той же целью – отдохнуть с друзьями. Кроме того, Володе было приятно чувствовать себя родным братом того единственного «выдающегося» ученика, который когда-то за один год успешно прошёл сразу несколько классов и с отличием закончил учёбу в школе в тринадцать лет. Это событие до сих пор хранится в памяти учеников и, особенно, учителей, хотя никто не может объяснить, как это произошло.

Восьмой класс. Совсем ещё мальчишки, почти дети – ребята набросились на пришедшего в класс Серёжу Умарова. Кто-то обнимал его, кто-то толкал то в одно плечо, то в другое, а некоторые, вообще, пытались ущипнуть за щёку. А девчонки визжали, приветствовали его, и даже кое-кому удавалось поцеловать невинным, детским поцелуем.

Серёжа так растрогался от этой необыкновенной встречи, что не мог что-нибудь вразумительное ответить на, сыплющиеся на него вопросы.

– А ты совсем за два года не изменился, – говорил Саша Иванов, – мы, как будто, с тобой и не расставались.

– Ты не скучал по классу? – спрашивала Люба Сергеева.

– А не хочешь ли ты к нам вернуться, Серёжа? – это Надя Шувалова подкинула свой вопросик.

– Мы бы тебе уступили первую парту, чтобы ты с учителями спорил, как раньше.

– А вот и нет, лучше будешь ты у нас преподавателем, – вступил в разговор Игорь Чесноков, – сейчас как раз у нас нет учителя по истории. Хочешь?

– И, правда, Серёжа. Приходи к нам, мы попробуем уговорить директора.

– Да, нет, что вы, ребята? Так нельзя, никто не разрешит этого делать. А, кроме того, у меня и времени свободного нет.

– Один раз в неделю, Серёжа. Соглашайся.

Идея бывать в своём родном классе с друзьями детства, хотя бы, один раз в неделю, понравилась Серёже, но он, конечно, понимал, что директор не пойдёт на это, не имеет права. И, чтобы закрыть тему, он сказал:

– Хорошо, хорошо, я согласен быть у вас учителем истории, договаривайтесь с директором школы.

Так в дружеских разговорах прошло время до начала вечера отдыха. Никакой официальной части не было: не такое уж это и важное событие – окончание третьей четверти – поэтому после небольшого концерта, который подготовили девятиклассники, начались танцы.

А напрасно Серёжа так легкомысленно отнёсся к предложению бывших одноклассников, будучи уверенным, что директор школы не пойдёт на такой шаг. Но, директор школы, Савченко Николай Алексеевич, был человек смелый и неординарный. Он хорошо помнил своего бывшего ученика Серёжу Умарова и поэтому, почти без колебаний согласился с предложением ребят восьмого класса дать ему возможность преподавать историю, пока руководители районного отдела образования не найдут дипломированного историка. Да, и учебный год скоро закончится— мало шансов, чтобы появился такой историк в этом году.

– Хорошо, ребята, я согласен. Пусть Серёжа придёт ко мне завтра, я с ним хочу поговорить, – сказал Николай Алексеевич.

– Ура, ура, – раздалась возгласы радости у членов делегации восьмого класса, которые пришли к директору на переговоры. А когда они вернулись в класс и сказали ребятам о согласии директора, такой шум поднялся, что прибежали ученики из соседних классов, чтобы узнать, что же там случилось? Отчего такой шум?

– Всё, Вова, ты сегодня скажи Серёже, что директор согласился с нашим предложением, и пусть он завтра явится к Николаю Алексеевичу.

Когда же Володя пришёл домой и сообщил брату такую новость, Серёжа опешил. Он не знал, радоваться ему или огорчаться.

Да, у меня же и времени свободного нет, Вова. У меня занятия в университете и после занятий – работа на кафедре.

– Мы будем приходить на твой урок, когда ты скажешь, как только появится у тебя такая возможность, – Вова не хотел отступать от задуманного плана и упускать такую возможность – в лице родного брата иметь преподавателя истории. Да, и Серёжа не очень сильно упирался, чувствуя, что это предложение ему нравится, и он охотно займётся таким делом.

На следующий день, закончив дела в университете, Серёжа появился в кабинете директора школы. После взаимных приветствий и комплиментов в сторону Серёжи состоялся разговор об истории, об отсутствии историка в школе и о предложении попробовать Серёже довести этот предмет в восьмом классе до конца учебного года.

Так, неожиданно Серёжа Умаров в свои четырнадцать лет стал преподавателем истории в восьмом классе. Вера Никифоровна и Вадим Петрович восприняли эту новость и решение Серёжи спокойно. Они уже давно не вмешивались в дела сына, зная, что он принимает правильные решения и всегда доводит начатое дело до конца. Конечно, определённый контроль они осуществляли, но делали это больше по инерции, чем по необходимости. Володе они уделяли больше внимания, особенно после неприятного случая с аптечным киоском.

– Ну, что Серёжа, ты поступай, как тебе кажется правильным, – сказал ему Вадим Петрович, – только будет ли тебе хватать времени для всех твоих занятий?

Накануне первого урока Серёжа просмотрел программу по истории для восьмого класса, подготовил соответствующий график для четвёртой четверти и пришёл в класс.

Комичность ситуации, когда Сергей Вадимович пришёл с журналом в класс, была очевидна. Все ученики встали, встречая учителя, но на лице каждого из них просматривалась явная усмешка. Все молчали, а Серёжа подошёл к столу, положил журнал и что-то хотел ска-

зять, как, вдруг, рассмеялся, и в классе грохнул сдерживаемый до сих пор, хохот. Это произошло непроизвольно, никто никого не хотел рассмешить, просто видеть на учительском месте своего товарища было непривычно и смешно. А Серёжа смеялся потому, что ему было весело и радостно видеть всех друзей, устремивших на него свои взгляды.

Любой преподаватель мечтал бы так владеть аудиторией и иметь таких слушателей, чтобы все до единого, раскрыв рты, затаив дыхание, на протяжении всего урока не произнесли ни единого слова и не отвели своего взгляда от лица учителя. Что это? Магия лекторского мастерства, глубина знания предмета, или, может быть, необычность учебной ситуации? Скорее всего – всё вместе.

Сергей Вадимович закончил свой рассказ об Античной Греции, когда прозвенел звонок, известивший о конце урока. Сначала все молчали, потом, опомнившись, начали говорить все сразу.

– Молодец, Серёжа.

– Откуда ты всё это знаешь?

– Нам никто и никогда так историю не рассказывал.

– А ты можешь приходить к нам два или три раза в неделю?

– Тебе, Серёжа, надо идти работать учителем.

И ещё десятки реплик и вопросов слышались в течение всей перемены.

А Серёжа, не успевая отвечать на них, да они и не требовали ответа, только улыбался и иногда отшучивался.

Домой братья пришли вместе, оба были довольны и веселы. Уже давно у них не было такого близкого, братского отношения и полного взаимопонимания.

Серёжа заметил, что, как раньше бывало, Вова стал слышать и понимать мысли брата, когда он их ещё не озвучивал. Это его и удивило и обрадовало. Значит, он ещё не растерял свой мозговой энергетический потенциал, и может помогать Володе с помощью одних мыслей.

На следующий день Серёжа встретился с Анастасом и рассказал ему о вчерашнем уроке истории и о том, что он ещё способен мысленно общаться или, хотя бы, обращаться к Володе.

Анастас выслушал Сергея и, вдруг, замолчал, думая о чём-то своём.

– А ты знаешь, Серёжа, как это всё кстати?

– Ты о чём, Анастас?

– Да, вот о том, что ты мне сейчас рассказал. У меня возникла отличная идея.

– Что за идея?

– Ты понимаешь, Серёжа, два года тому назад мы с тобой общались с генианцами. У нас значительно увеличился мозговой энергетический потенциал. Мы с помощью мысли общались с тобой и могли воздействовать на мозговые поля других людей. Я строил мыслетрон, у нас были грандиозные планы. Потом разные события, плохие и хорошие, оторвали нас от наших планов, и целых два года мы не возвращались к ним. А вот сегодня наступило время.

– Какое время, Анастас?

– Время вернуться к нашим планам. Понимаешь, ситуация благоприятная. Сейчас генианцы на Земле, я восстановил мыслетрон, есть контакт Анютки с Иллианом, и ты получил возможность общения с некоторым количеством известных тебе людей.

– Ну, и что?

– А то, дорогой мой Серёжа. Ты же помнишь, одной из наших целей, при изготовлении аппарата, было воздействие нашим, усиленным с помощью генианцев или мыслетрона энергетическим полем на группу людей, управлять ими, передавать им любую информацию. И вот у тебя сейчас есть такая возможность. Мы проверим нашу теорию, наши задумки, и одновременно ты сможешь мысленно передавать информацию классу, обучать детей, повышая, при этом, не только успеваемость, но и энергетический мозговой потенциал. А это, как ты сам убе-

дился на своём опыте, создаёт ещё более предпосылок для образования и умственного развития ребят. Мы убиваем не двух, а сразу нескольких зайцев.

– Ты гений, Анастас.

– Ладно, ладно. Но тебе, чтобы успешно проводить этот эксперимент, надо чаще бывать у меня, подпитывая свой мозговой потенциал моим энергетическим полем и мыслетроном, а также, полем генианцев, если нам удастся выйти на контакт с ними.

– Хорошо, Анастас. Я даже не предполагал такого оборота, когда соглашался преподавать историю.

– Мы вместе должны проследить за развитием моей Анюты. Я тебе уже говорил, что она, общаясь с Иллианом, набрала такие темпы умственного развития, что меня это стало не на шутку беспокоить.

– Анастас, она же ребёнок двух необыкновенных людей – тебя и Светланы. Она и без Иллиана развивалась бы ускоренно, только питаюсь энергией ваших мозговых полей.

– Я это учитываю, а Иллиан ещё более ускорил её развитие.

Договорившись о совместной работе, Анастас и Серёжа попрощались.

Глава 12

Несмотря на предложение адвоката подавать апелляцию, Митяй и его родственники отказались это делать. Через десять дней после приговора суда, автозак с осуждённым направился в город Берёзовск. Дорога была не длинная, несколько часов езды, но очень сильно разбитая, с многочисленными крутыми поворотами. Временами асфальтовый участок дороги сменялся грунтовым, и автозак, при этом, резко сбавлял скорость. Душный, затемнённый, с одним небольшим зарешечённым окошком фургон бросало из стороны в сторону. Митяй сначала, молча, сидел на продольной скамейке, держась за её края, а его спутник, который этапировался в ту же тюрьму в Берёзовск, каждый резкий поворот автомобиля или скачок фургона сопровождал крепким матом. Потом и Митяй не выдержал прелестей ралли в закрытой коробке и стал стучать в перегородку, отделяющую отсек для осуждённых от каморки сопровождающей их охраны.

– Да, сколько же можно издеваться над людьми? – закричал он.

– Это, над какими же людьми? – раздалось оттуда.

– Над честными людьми, сволочи.

– Покачайся немного, ты – честный человек, а то ещё не скоро придётся испытать такое удовольствие, – не реагируя на злобный крик Митяя, спокойно ответил один из конвоиров.

– Не мельтешишь ты, кореш, они тебя не поймут, – остановил Митяя напарник, – даже, если свой калган о стенку расколотишь.

Митяй послушно сел на скамейку, вцепившись в её скользкие края.

– Дуда я, Андрюхой зовут, – протянув руку, представился сосед. – А у тебя какая кликуха?

С некоторой ленцой подал руку и Митяй.

– А я – Митяй, Дмитрий, то есть.

Оба помолчали.

– Сколько тебе? – снова начал разговор Дуда.

– Восемнадцать, а тебе? – ответил Митяй.

– Я спрашиваю, сколько тебе впаяли?

– А-а-а. Сколько впаяли – все мои.

– Выпендриваешься, кореш? А зря.

– Полторашка за мной.

И снова затишье. Машина выехала на ровную, асфальтированную дорогу. Трясти и бросать стало меньше.

– А что за тобой? – как бы, продолжая разговор, спросил Дуда.

– Кража, наркотики.

– Это тебе ещё подфартило.

– Так подфартило, что радости – аж, полные штаны.

– Не дрейфь, кореш, и на киче люди живут, – Дуда подвинулся ближе к Митяю, – вот я возвращаюсь на свои нары.

– Как, это?

– Оттрубил я в Берёзовском особняке два года из пяти. Тоже – калики-моргалики и ещё разная дребедень. Уже привык, и жалоб не было, Потихоньку стал подсчитывать, сколько же ещё тянуть осталось? А тут приходит на меня ксива. Открылись новые обстоятельства – кто-то телегу накатыл. Ну, вывезли меня на новое судилище, намотали ещё два года. Так, что теперь возвращаюсь обратно. Как будто, и не было этих прошедших лет. Было пять, пять и осталось. А я не хнычу и не унываю. Вот такая моя планида, как говорит один наш грамотей.

– Что, такая твоя?

– Планида, говорю, судьба, значит. И ты живи и радуйся, кайф лови от любого момента. Вот сейчас ты глотку драл, нервы трепал. А что толку? Что-нибудь изменилось? Нет.

– А что это у тебя за фамилия такая, Дуда?

– Это не фамилия. Кликуха такая. Там же, в академии мне её и дали. Первые дни, как только я оказался на юрцах, тоска меня заедала, ну я по ночам и стал ныть, рычать, скулить. А сосед, который был подо мной, всё время говорил: «Хватит дудеть, уж рыло воротит от твоей дуды». Вот так и пристала ко мне кличка «Дуда». А фамилия моя трудно запоминающаяся, редкая, можно сказать, – Иванов.

Снова загремела старенькая обшивка саркофага – автозак выехал на грунтовую дорогу. Говорить стало труднее, надо было держаться, чтобы не отлететь к противоположной стенке.

Через некоторое время – снова затишье, и Андрей Иванов продолжал:

– Вот со мной в камере, ну тот, который на юрцах подо мной чалит срок – пятнадцать ему дали – а он ещё говорит, что подфартило ему. По мокрому делу он. Могли вышку дать, да судья жалостливый попался. Всё время Лютик, такая кликуха у этого бешеного, вспоминает свои последние похождения, говорит, что сорвалось такое дело, о котором мог бы весь мир узнать, а он сам прославился бы на века. Когда мы начинаем посмеиваться над его бредовыми байками, он, как тигр, бросается на каждого и готов глотку грызть. Мы его так и зовём – бешеный Лютик.

– А что же это за бредовые байки? – немного успокоившись, но вяло прислушиваясь к рассказу Дуды, спросил Митяй.

– Да он и сам не знает, путает всё время— какие-то посторонние мысли, управление ими, гипноз, или что-то вроде этого. Не смогли мы у него точно узнать, за что же он человека замочил? Говорит, будто бы тот помешал ему стать главарём всех паханов. Больше ничего не рассказал. Однако крепко засела ему в башку эта хрень, говорит: «Отмотаю свой срок и найду того, кто будет мне прислуживать». Одно похоже на правду – у него есть способности гипнотизёра. Иногда травим баланду, каждый своё гонит, а тут бешеный вставит одно-два слова, и все начинают думать так, как он сказал. В камере он у нас за пахана, никто не хочет с ним связываться. Даже легавые его побаиваются.

Митяю было интересно слушать рассказ бывалого, но он не показывал виду, держал себя отчуждённо и вопросы задавал только для того, чтобы поддержать разговор и каким-то образом отвлечься от этой изнурительной дороги.

– А ты опять попадёшь в ту же камеру? – спросил он.

– Куда притаранят, там и буду. Ну, мы с тобой теперь кореша, будем поддерживать там связь. Если обидят, говори – выручу. В крайнем случае, привлечём и бешеного, он своих в беде не оставит.

– Ладно, скажу, – проямлил Митяй последние слова и закрыл глаза

Глава 13

– Как у тебя дела, сын? Что нового в твоих наблюдениях? – спросил Иллианий своего сына, когда тот появился вблизи родителей после очередного контакта с Анютой.

– Отец, я хочу тебе сказать, что девочка, с которой я общаюсь, совсем не похожа на обыкновенного человеческого ребёнка. Ты помнишь, когда раньше мы выходили на контакт с разными детьми любого возраста, они были слабо развиты. Они примитивно общались между собой и нас совсем не ощущали или не признавали.

– Да, ты прав, сын. С такими детьми мы не раз встречались, устанавливали контакт с ними и уже имеем много материала о процессе взросления человеческих детей, об их умственном развитии. И сейчас с Иллианой мы продолжаем заниматься наблюдением, не выходя на тесный контакт с детьми, чтобы не исказить чистоту наших выводов. А тебе мы специально предложили наблюдение за девочкой, рождённой в семье, уже имеющей ранее контакт с нами и получившей от нас достаточно хороший заряд мозгового энергетического потенциала. Анастас имеет такое мощное мозговое поле, что живя рядом со своей женой – мы это знаем – увеличил и её мыслительную энергию. А дитя их, ещё до рождения ощущало воздействие суммарного поля родителей, а после рождения, тем более. Да, и ты, сынок мой, вносишь свою лепту в ускоренное её развитие. Ты помнишь, я тебе говорил, чтобы ты аккуратно подходил к ней и до предела уменьшил своё энергетическое поле?

– Я сначала так и делал, отец, но потом я не выдержал. Она такой прелестный ребёнок, и я не мог хоть чуть-чуть не пообщаться с ней.

– Вот этим ты и нарушил наш генианский закон – не вмешиваться в жизнь представителей других планет, тем более, если это вмешательство не приносит им пользы.

– Прости меня, отец, но я, во-первых, очень слабым излучением контактировал с ней, а во-вторых, если этот контакт и произвёл какое-то воздействие на мозг девочки, то только положительное.

– Как мы можем знать, что будет с девочкой, если её мозговое энергетическое поле превысит все допустимые для человека пределы? Пока не можем. И ещё одно – меня беспокоит слишком большая твоя заинтересованность в наблюдениях за этим объектом. Я вижу – тебя тянет к нему. Более того, каким-то непонятным для меня образом изменяется в это время и качество твоего энергетического поля. Ранее я такого в нашей среде не замечал. Ты сам это ощущаешь?

Минуту Иллиан молчал, не зная, что ответить на вопрос отца, потом неуверенно произнёс:

– Да, отец, ты прав, я это тоже ощущаю, но я не знаю, отчего так происходит. Я теряюсь перед этой малышкой, но, всё же, мне хочется всё дольше и чаще бывать с ней.

– Это меня и волнует. А мама твоя более отчётливо осознаёт неестественность твоего интереса и просит меня вмешаться в твои дела и отстранить тебя от наблюдений за девочкой.

– Прошу тебя, отец не делай этого. Я же тебе говорил, что контактирую с ней очень осторожно, и в дальнейшем буду соблюдать это правило.

– Хорошо, я знаю, ты разумный сын, и всё у тебя пойдёт, как мы определили.

На этом воспитательная беседа генианского отца с сыном была закончена и, как ни странно может показаться, даже для такого высокоразвитого существа характерно беспокойство родителей за своих детей, за их будущее.

Иллиан пока не знал, как объяснить то состояние, в котором он находился в последнее время. Слова отца ещё более озадачили его, и, если бы речь шла о земном мальчике, то можно было бы сказать «в голове у него был полнейший сумбур». Но, поскольку он мальчик не земной, а генианский, то вернее было бы говорить об этом состоянии так – «энергетическое состо-

яние перешло в состояние возбуждения». Частота колебаний его поля менялась, и он не всегда мог восстановить первоначальные, привычные параметры. И, несмотря на это, Иллиану всё время хотелось быть рядом с разумной девчушкой, маленькой представительницей рода человеческого.

Спустя некоторое время, Иллиан снова появился в зоне воздействия его энергетического поля на мозговое поле маленькой Анютки. Девочка сразу почувствовала его присутствие и первой приветствовала необыкновенного собеседника.

– Здравствуй, Иллиан, я тебя слышу и вижу.

– Здравствуй, девочка. Как ты можешь меня видеть? Ведь, я для вас, землян, невидим, – удивился Иллиан.

– А я вижу, я твой образ представляю, я чувствую тебя и ощущаю.

Странно было бы кому-нибудь из взрослых людей услышать такие слова из уст девочки, которой ещё и двух лет не исполнилось.

– Такого не может быть, Анюта, я же только мысль, энергия. А энергию вы, земляне, видеть не можете. Только в нашем мире мы видим друг друга.

– Нет, нет, Иллиан, я жду тебя и всегда вижу, когда ты приходишь.

Светлана заметила, что Анюта сразу преобразилась, личико её засияло, словно от него исходил свет, и она спросила:

– Что с тобой, доченька?

Ответа не последовало. Анюта неподвижно сидела на кровати. Игрушки, с которыми она играла, лежали в стороне и не интересовали её. Глаза были открыты, но она не видела подошедшую к ней мать и не реагировала на её прикосновения. Светлана, испугавшись, положила дочку на подушку и бросилась к телефону, чтобы позвонить Анастасу.

– Стасик, родной, с нашей дочкой что-то случилось. Она без сознания лежит и не отвечает на мои вопросы. Приезжай скорее, мне страшно. Может быть, вызвать скорую помощь?

Анастас сразу понял, в чём дело и спокойно ответил:

– Не надо скорую помощь, я сейчас приеду. Посиди рядом с ней.

Отдав некоторые распоряжения Надежде Григорьевне, Одинцов быстро выскочил из института. Он остановил такси, попросил водителя немедленно ехать по указанному адресу.

Когда Анастас появился дома, Анюта уже пришла в своё нормальное состояние, а Светлана сидела рядом с ней и пыталась дознаться у дочери, как она себя чувствует и не болит ли что-нибудь у неё.

– Нет, мамочка, у меня ничего не болит.

– Почему ты мне не отвечала? Я тебя спрашивала, разговаривала с тобой, а ты была без сознания.

– Мамуля, я была в сознании, мне было очень хорошо.

– Стасик, – обратилась Света к стоявшему рядом Анастасу, – ты можешь мне что-нибудь пояснить? Я уже не первый раз замечаю у дочки потерю сознания. Может быть, она серьёзно больна?

– Дочка, у тебя всё в порядке? – спросил он Анюту.

– Да, папочка, у меня всё хорошо, – услышал он ответ.

– Ты поиграй здесь, а мы с мамой выйдем, поговорим. Идём, Светочка, в другую комнату.

Анастас решил рассказать всё жене, чтобы она больше не переживала и всё знала о своей дочери.

– Знаешь, Светочка, я тебе должен сказать, что я уже давно заметил – наша Анюта общается с Иллианом, то есть он общается с ней.

– С кем, с кем?

– С генианским мальчиком, который когда-то общался с Серёжей. Да, и я несколько раз говорил с ним. А теперь генианцы снова на Земле и установили контакт с Анютой.

- Почему с ней?
- Не знаю пока, надеюсь выяснить.
- Но, она же ещё совсем крохотная, ничего не понимает. Это ей не повредит?
- Повредит или нет, я не могу сказать. А что касается того, что она крохотная: по возрасту – да, а по уму – она уже превосходит многих взрослых людей.
- Мне страшно, Стас. Что же будет с ней дальше?
- Надо попытаться выйти на контакт с Иллианием. Вот, теперь у меня готов к работе мыслетрон и в следующий раз, когда появится Иллиан, я попробую через мыслетрон выйти на связь с ним. До сих пор он не хотел общаться со мной. Видно, у генианцев какие-то свои цели, планы.
- Да, Стас, попали мы в историю, – немного успокоившись, сказала Светлана, – дочку жалко, ведь, она будет лишена детства. Что с ней будет через год, пять лет?
- Давай не будем раньше времени поднимать панику. Раз уж, как ты говоришь, мы попали в историю, то будем достойно нести наш крест. Пошли, посмотрим, чем она занимается.
- Когда родители вошли в комнату, Аня радостно закричала:
- Мама, папа, смотрите, мои девочки сложили кубики в одну картинку.
- Сами девочки сложили эти кубики? – спросила мама.
- Ну, я им помогала, а они всё своими ручками складывали.
- Ох, ты и выдумщица, дочка.
- Нет, правда, правда.
- Умницы у тебя девочки. А ты тоже умница?
- Я? Ещё большая умница, – отвечала Аня.
- Ну, вот видишь, Светочка, а ты говоришь, что у неё не будет детства. Вот оно детство, – тихо сказал Анастас, глядя с умилением на весёлую и шумную Аню.
- Ничего не ответила мама и только ласково гладила свою любимую дочку по голове.

Глава 14

Ребята из восьмого класса с нетерпением ждали дня, когда Серёжа будет проводить следующий урок по истории. Они всё время спрашивали Володю, как там брат поживает, не заболел ли, как он готовится к очередному уроку и какая там будет новая тема? Володя односложно отвечал:

- Да, всё нормально.
- Здоров наш учитель.
- Он совсем не готовится.
- А откуда он всё знает? – задавали ребята новые вопросы.

– Оттуда и знает, – промямлил Володя, не понимая, как ответить на этот вопрос. Он, кажется, почти смирился с тем, что его брат-близнец, вместе с ним выросший, оказался намного умнее его, что он всегда всё знает, и у него никогда не бывает ошибок или оговорок. И не возникал у Володи вопросы: а почему так получилось? Откуда Сергей знает ответы на любые вопросы?

В школе уже всем стало известно о триумфальном дебюте Серёжи Умарова в качестве преподавателя истории. Школьники между собой говорили об этом, восхищались. Дошли сведения и до учителей, а также до директора школы. Всё это было настолько неожиданно и необычно, что Николай Алексеевич решил сам «поприсутствовать» на следующем уроке истории.

И вот этот урок наступил. Ребята, обычно не спешившие после перемены занять свои места за партами, на этот раз все, как один, сидели спокойно и ждали прихода «учителя». Урок ещё не начался, и Сергей Вадимович не появился в дверях, а в классе была тишина, и только некоторые ребята шёпотом переговаривались между собой.

Наконец, вошёл Николай Алексеевич и за ним следом – Серёжа.

– Здравствуйте, ребята, – приветствовал директор учеников, которые, как положено, стоя встретили вошедших.

– Здравствуйте, – тихо и несмело сказал Серёжа. Он смущался своего положения, пока не освоился, да, ещё и сам директор пришёл проконтролировать, может быть, его знания, а, может быть, преподавательскую способность человека, ничего общего не имеющего с педагогическим образованием.

– Здравсьте, здрасьте, – вразнобой отвечали ученики. Директор прошёл на последнюю в первом ряду парту, и вместо Серёжи, который ещё стоял возле двери, сказал:

– Садитесь, ребята, садитесь.

Преподаватель подошёл к столу, неуверенно положил журнал и спросил:

– Кто отсутствует? – и, внимательно посмотрев на ребят, добавил, – вижу, что все здесь.

Он знал всех наперечёт – более пяти лет он осваивал с ними азы и начальные ступени науки, поэтому ему не трудно было с одного взгляда оценить присутствие всех ребят.

– Как дела с домашним заданием? – спросил Серёжа и пробежал взглядом по лицам пришедших восьмиклассников. Все молчали. Ребята отлично помнили всё, что на прошлом уроке рассказывал Серёжа, но присутствие директора притормаживало их активность, и они ждали конкретного вопроса кому-нибудь из них.

– Повторим. Есть желающие рассказать нам об античном периоде Греции?

Робко оглядываясь на последнюю парту, один за другим поднимали руки ребята.

– Хорошо, тогда мы слушаем... – Серёжа обвёл взглядом класс, как обычно делают учителя, выбирая жертву для «допроса», – слушаем Любу. Сергеева Люба, выходи сюда.

Девочка быстрым шагом подошла к столу и встала около Серёжи. Она была высокого роста – выше многих учеников – и рядом с сидевшим Сергеем выглядела совсем нелепо – не

создавалось впечатление о них, как об учителе и ученице. Николай Алексеевич, видимо, тоже заметив это, улыбнулся и наклонился над своими бумагами.

– Доложи нам, Сергеева, – обратился Серёжа к Любе, – какие ты знаешь античные государства, когда и где они существовали. Немного расскажи об искусстве эллинов.

На секунду Сергеева задумалась, потом быстро, почти не останавливаясь, начала рассказывать о Древней Греции и Древнем Риме, об античном искусстве, начиная с пятого века до нашей эры. Много из того, о чём говорила Люба, можно было прочитать в учебнике по истории, но её рассказ был дополнен теми интересными фактами, о которых на прошлом уроке им говорил Сергей Вадимович.

Николай Алексеевич с интересом слушал рассказчицу и был удивлён глубиной преподаваемого материала.

– Достаточно, Сергеева, ты – молодец, хорошо усвоила тему. Пока садись на место, – и, поставив в журнал пятёрку, Умаров снова посмотрел на ребят.

– А сейчас Чесноков нам расскажет об античных городах, где они были и когда процветали.

Игорь Чесноков, выйдя к доске, без вступления начал рассказывать о том, что он запомнил об античном периоде и городах на берегах Чёрного и Средиземного морей. Класс внимательно слушал, хотя, наверное, каждый из притихших учеников отлично знал всё, что им говорил Игорь.

– Всё, всё, Чесноков, хватит. Я вижу, что и этот материал вы отлично усвоили, – Серёжа посмотрел на директора, и ему показалось, что тот, улыбаясь, подмигнул ему.

– А теперь мы дальше пошагаем по древнему миру. Рассмотрим, с кем воевали древние греки и римляне, как защищались, с кем торговали.

Серёжа встал, чтобы лучше и убедительнее изобразить из себя учителя и более доходчиво доносить материал до слушателя. Николай Алексеевич тоже приготовился слушать, как будто, он впервые должен узнать всё, что пообещал рассказать Сергей Вадимович.

Как говорят, слышно было в классе, как пролетает муха – настолько интересно говорил Серёжа про войны и торговлю, про оружие и людей изучаемого периода. Полчаса, которые ему остались для нового материала, пролетели молниеносно. Никто ни разу не только не прервал его, но и не кашлянул, и даже дышать ребята старались тише, чтобы в классе не было слышно вздохов.

Когда прозвенел звонок, Серёжа прервал свой рассказ и обратился к классу:

– Интересно, пацаны? Ой, ребята, понравилось?

– Да-а-а, – хором прозвучал ответ.

– В следующий раз мы закончим эту тему. Готовьтесь.

Директор, наконец, встал из-за парты и направился к столу преподавателя. Он, молча, подошёл к Умарову и протянул ему руку. Крепкое пожатие директором руки Серёжи, сопровождалось аплодисментами учеников.

Так, прошёл второй урок истории преподавателя Сергея Вадимовича Умарова.

Но, никто не заметил того, что, в процессе произнесения речи, Серёжа несколько раз останавливался и мысленно продолжал развивать тему. Это были совсем короткие промежутки молчания – несколько секунд, но Серёжа хотел убедиться в том, что его мысли ученики могут принимать и без слов, то есть без слов, произнесённых вслух. Подсказка Одинцова по поводу воздействия сильного мозгового поля Серёжи на группу людей оправдалась. Он убедился в этом и очень хотел поскорее поделиться своими наблюдениями с Одинцовым.

Только директор был в некоторой растерянности. При всей увлечённости интересным рассказом Сергея, Николай Алексеевич заметил несколько остановок в его повествовании – минуту, не больше, – но ученики, при этом, сидели, не шелохнувшись, как будто ничего вокруг не менялось. Они смотрели на молчавшего Серёжу Умарова и ждали продолжения рассказа.

Вновь начинающаяся речь никак не меняла обстановку в классе, хотя продолжение рассказа не согласовывалось с прерванной до остановки речью. Директор слушал, смотрел на восьми-классников и не мог понять, в чём дело. Это гипноз, необычайная зачарованность? Ни разу за свою педагогическую деятельность он не встречался с таким феноменом. Внимание и полное отрешение ребят от постороннего мира было необъяснимо. Сам же Николай Алексеевич не поддавался воздействию мозгового поля Серёжи. Или оттого, что он сидел дальше всех от учительского стола, или собственное мозговое поле взрослого человека более мощное и не подвластно воздействию поля Серёжи Умарова.

Ещё несколько минут учащиеся сидели за партами, изредка обмениваясь репликами друг с другом.

– Пойдём со мной, Умаров, – пригласил директор Серёжу.

Они вышли из класса и Николай Алексеевич положил руку на плечо Сергея.

– Ты молодец, Сергей Вадимович, – неожиданно официально обратился к мальчику директор. – Я бы тебя с удовольствием зачислил в учительский штат школы. Как ты на это смотришь, если я попробую решить этот вопрос через отдел образования?

– Не знаю, Николай Алексеевич. У меня большая нагрузка в университете – учёба и работа на кафедре. Времени совсем не остаётся.

– Жаль, жаль. Нам такие педагоги нужны.

– Я пока буду приходить так, когда смогу, а потом посмотрим, что можно сделать.

– Ну, хорошо, приходи, только заранее, через Володю, сообщи нам о своём приходе.

– Договорились.

Серёжа, даже не попрощавшись с учениками, вышел из школы. Ему очень хотелось срочно поделиться с Анастасом впечатлениями о групповом воздействии своего мозгового поля на учеников восьмого класса.

Время уже приближалось к вечеру. Сергей, не заходя домой, поехал к Анастасу.

Когда он позвонил в квартиру Одинцовых, дверь открыла Светлана. Она была в фартуке, и от неё пахло чем-то вкусным.

– Здравствуй, Серёжа, – обрадовалась Светлана, – заходи быстренько. Скоро придёт с работы Стасик. Я готовлю ужин, и мы вместе сядем за стол. Ты проходи пока в комнату, там с Анюткой пообщайся, а я закончу свои дела в кухне.

– Здравствуй, Света, – наконец, удалось вставить слово приветствия Серёже.

Он разделся и прошёл в комнату, где на полу среди кучи игрушек сидела Анюта. Она уже знала Сергея и тоже обрадовалась его приходу.

– Ну, привет, малышка, – сказал Серёжа и, наклонившись, погладил девочку по голове.

– Привет, привет, мальчишка, – в рифму получилось приветствие у Анюты. Сергей удивился этому, хотя уже знал о способностях девочки и был готов к любым неожиданностям.

– У меня сегодня хороший день, – продолжала Анюта.

– Почему?

– Потому, что я сегодня уже общалась с одним мальчиком, теперь вот пришёл ты.

– С каким же мальчиком ты общалась?

– С Иллианом, – нисколько не смущаясь, ответила Анюта.

– С кем, с кем?

– С Иллианом. Он ко мне часто приходит в гости, только его почему-то никто не видит.

– А ты видишь его?

– А я вижу.

– И какой он?

– Он такой..., такой..., – не зная, как описать своего невидимого друга, задумалась девочка.

– Какой же?

– Умный, красивый, добрый, иногда грустный, – начала она перечислять достоинства Иллиана.

И, хотя Серёжа тоже был знаком с Иллианом, и также с ним общался, он не мог бы описать его и наделять такими человеческими эпитетами. Из этого набора слов Серёжа мог применить к Иллиану только слово «умный».

– А как же ты его видишь, Анюточка? – спросил Сергей.

Девочка замолчала, а Серёжа, вдруг, услышал слабые сигналы, исходившие из её мозгового поля.

– Вижу, как вижу, всегда вижу, – нечто не совсем вразумительное понял Сергей из её ответа.

– А когда же он к тебе приходит? – так же, не произнося слов, спросил мальчик.

– Всегда приходит, – ответила уже вслух Анюта.

В это время открылась дверь, и там появился Анастас.

– Здравствуйте, все. Моя маленькая Анютка и дорогой гость Серёжа.

Умаров ответил на приветствие и пожалел, что не удалось продолжить разговор с Анютой.

– Ты давно здесь, Серёжа? – спросил Анастас.

– Нет, недавно, но немного уже успел побеседовать с Анютой.

– Вот как? И о чём же была беседа?

– О дружбе, – неопределённо ответил Сергей и посмотрел на девочку. Она, при этом, улыбнулась и бросилась на шею к отцу.

– О друзьях, папочка.

– Мужчины, забирайте нашу девочку и идите ужинать, – раздался голос Светланы из кухни, – всё уже на столе.

– Идём, идём, – отозвался Анастас, – мы сегодня очень голодны. У нас был трудный день, правда, Серёжа? – неизвестно, почему-то он решил отчитаться за себя и за Сергея.

– Да, немножко, – поскромничал Серёжа, хотя, действительно, был уставший и голодный.

Анастас посадил дочку на плечи и трусцой поскакал на кухню. Анюта, при этом, радостно смеялась и легонько шлёпала отца по голове, изображая наездницу на лихом коне.

Светлана рассадила всех по местам, села сама и скомандовала:

– А теперь всем замолчать и наслаждаться моим изобретением!

Действительно, на столе стояли тарелки, заполненные каким-то, изумительного цвета салатом, и рядом миска с тушёным мясом, источающим умопомрачительный запах.

– Берите себя мясо, кто, сколько захочет, и уплетайте. Приятного аппетита.

Несмотря на некоторые раздоры и разногласия, случающиеся в последнее время, в семье Одинцовых, за обеденным столом, царил мир и доброе отношение друг к другу.

– Очень вкусно, хозяйшка, – похвалил Анастас жену, заканчивая ужин, – спасибо. Твоё изобретение стоит того, чтобы его запатентовать.

– Да, это правда, спасибо, – поддержал его Серёжа, – никогда ничего подобного не ел.

– Я очень рада, что вам понравилось.

Анюта ещё ковыряла вилкой в своей тарелке, но по её лицу было видно, что и она получила удовольствие.

– А я ещё не поела, – сказала она, думая, что и ей пора выходить из-за стола.

– Кушай, кушай, дитяtko. Не спеши, – ответила ей мама, глядя с умилением на свою крошку.

Кроме мира и согласия за ужином, посторонний человек, если бы он был рядом, мог заметить ещё одну, присущую этой компании, особенность. Разговор вёлся неторопливый с небольшими перерывами. Но, когда, кто-то замолкал, все сидевшие рядом смотрели на него и что-то отвечали ему, хотя, никакого вопроса, при этом, и не прозвучало. Они все четверо

– двое взрослых и двое детей разного возраста – «читали» мысли друг друга, разговаривали путём передачи своей мыслительной энергии.

Анастас и Серёжа вместе вышли в свою комнату, оставив женщин на кухне.

– У меня сегодня был урок истории в восьмом классе. Я, как ты и посоветовал, Анастас, попробовал передать некоторые свои мысли ребятам через излучение мыслительной энергии, – начал Сергей разговор, с которым он и пришёл к Анастасу.

– Так, так, и что же, интересно?

– Мне показалось, что они, почти все, понимали меня, хотя, конечно, я совсем немного информации передавал им. По два-три предложения, не более того.

– Не задавали они потом вопросы?

– Нет, всё прошло гладко. Даже директор, который сидел у меня на уроке, ничего не заметил.

– Здорово. Значит, у нас всё получается. Ты хорошо сделал, что пришёл сразу ко мне. Тебе надо увеличивать твой мозговой потенциал. Вот сейчас я пообщаюсь с тобой через мыслетрон – это значительно усилит воздействие постороннего поля на твоё, близкое по частоте, мозговое поле.

– Хорошо, Анастас, давай так и сделаем. Готово? А теперь скажи мне, твоя дочка часто общается с Илианом?

– Да, в последнее время он появляется здесь почти каждый день. Может быть, даже дважды в день.

– И ты не пытаешься выйти на связь с ним?

Однажды я хотел это сделать, но только произнёс его имя, как он тотчас же исчез.

– Почему? Он не желает с тобой общаться?

– Я и сам хотел бы это знать. Видимо, у них свои планы на этот счёт. Но, я сделаю ещё попытку. Мне удалось несколько раз присутствовать при разговоре Илиана и Анюты, хоть и стоило это мне колоссальных усилий. Надо было не думать, чтобы не излучать энергию мысли, иначе бы он меня сразу обнаружил. А это, как ты понимаешь, не просто сделать.

– И что ты услышал?

– Странные вещи. Как будто бы разговор ни о чём. Знаешь, такие разговоры у нас ведут между собой молодые парень с девушкой, встретившись впервые на свидании. Но, здесь важно другое. Как ты, наверно, заметил, Аня развивается не по дням, а по часам. По её уму ей смело можно дать лет пятнадцать.

– Да, я это увидел.

– Это меня беспокоит, как я тебе уже говорил, более всего. Что будет с девочкой, когда ей исполнится десять, пятнадцать лет, если контакты будут продолжаться?

– Но, генианцы, насколько я знаю, никогда не задерживаются так долго на Земле.

– Я понимаю, но они могут за это время несколько раз побывать у нас. И каждый раз они могут встречаться с Анютой.

– Да, Анастас, это серьёзно. А что Светлана? Она знает об этом? Слышала ли она такие разговоры?

– Я ей говорил.

– И что она думает?

– Что можно здесь придумать? Ведь, невозможно изолировать Анюту от контактов. Генианцы найдут её, где угодно, и проникнут в любое место – для мысли преград не существует. Поэтому нам остаётся только ждать и надеяться на лучший исход дела.

Светлана с Анютой вошли в комнату, и Анастас замолчал, не желая преждевременно обсуждать такой вопрос со Светланой в присутствии дочери.

– Да, это так, Серёжа. У меня голова идёт кругом, но придумать я пока ничего не могу, – сказала Светлана, как будто бы она всё время присутствовала при разговоре его с Анастасом. – Мы будем только ждать, правда, Аня? Скажи, что ты думаешь?

– Не надо ничего ждать, мамочка, всё сложится, как нельзя лучше, – ответила матери дочка.

Серёжа, вдруг, впервые подумал, как сложно, наверное, жить в обществе, или, хотя бы, в семье, где все слышат мысли друг друга и могут разговаривать без слов. Как известно, как бы люди ни любили и ни были дружны между собой, всё равно, порой, хочется побыть одному, подумать о чём-то, о своём.

Поговорив ещё некоторое время, Серёжа отправился домой. Мысли одна за другой лезли в голову, хотелось придумать какой-то выход из создавшегося положения, но ничего подходящего так и не находилось.

Глава 15

В Берёзовской тюрьме в тот день была буза.

Автозак заехал на её территорию, остановился и долго стоял на месте. Никто не подходил, чтобы открыть дверь фургона и выпустить, вновь прибывших, на территорию заведения. Митяй и Дуда сначала сидели, молча, ожидая, что вот откроется дверь и они, наконец, смогут выйти, чтобы после долгого и мучительного шараханья по отсеку на дорожных ухабах справиться свои естественные дела.

Наконец, терпенье лопнуло, и они оба стали колотить в двери, потом в перегородку между отсеком для заключённых и камеркой для сопровождающих, в которой уже давно никого не было. Ответа не последовало, а машина продолжала стоять. После небольшого затишья, прибывшие арестанты, начали кричать и стучать ещё сильнее. Напрасно. Казалось, что их здесь не ждали и сейчас же вернут обратно.

Всё тюремное руководство было на экстренном совещании у начальника тюрьмы по поводу разработки и проведению мероприятий, направленных на усмирение взбунтовавшихся местных обитателей. Сегодня с утра заключённые отказались принимать пищу, стучали в камерные двери и требовали убрать трёх надзирателей, которые самым действенным способом вести разговоры с заключёнными считали – применение кулака. Каждый день пять-десять человек подвергались мордобою, и никакие протесты не давали результатов.

Вторым требованием заключённых было немедленное улучшение питания. Большая часть, предназначенных для них, скудных продуктов разворовывалась, и обеды, главным образом, состояли из баланды и пайки хлеба. В камерах у заключённых было холодно, от голода часто, то один, то другой, падали в голодный обморок.

Начальник тюрьмы майор Дронов приказал усилить конвой, вывести всех заключённых из камер, чтобы там выслушать их требования и попробовать поговорить о прекращении бунта. Он обещал заменить ненавистных конвоиров, поднять перед вышестоящим руководством вопрос об улучшении питания и дополнительном обогреве камер.

Однако обещанья начальника тюрьмы не были приняты, терпенье заключённых кончилось, и они требовали сейчас же, немедленно, убрать ненавистных надзирателей. Дронов пытался найти компромисс и снова пообещал убрать этих служащих, как только прибудет их замена. Такое же расплывчатое обещанье было и по улучшению кормёжки после поступления очередной партии продуктов. Эти слова майора были встречены улюлюканьем и свистом, все кричали и не хотели расходиться по камерам. Дронов приказал своему помощнику капитану Ухову, пока он сам будет сдерживать разбушевавшуюся толпу, вызвать из управления взвод подкрепления.

Вот в такой обстановке довелось нашим прибывшим в автозаке появиться на территории Берёзовской тюрьмы. Конечно, никому не было до них дела, и они более часа провели в закрытой наглухо машине. Им уже не надо было срочно проситься в уборную – отсек автозака вполне её заменил.

И только после прибытия усиленного конвоя и проведения длительных уговоров и угроз, удалось загнать заключённых в камеры.

Через полтора часа после заезда машины на территорию тюрьмы, двое сопровождавших автозак солдат внутренней службы и один офицер из тюремной охраны открыли дверь и приказали выйти оттуда Митяю и Дуде. Они, уже не надеясь, что их сегодня выпустят из этого проклятого отсека, голодные и злые спрыгнули из машины на землю.

Так неприветливо их встретило новое место «жительства», хотя, для Иванова это был родной дом. Митяй не попал в одну камеру с Дудой, и осваивать новый образ жизни ему придётся без наставников.

Как часто бывает, встретили Митяя жильцы общака не совсем дружелюбно. Их было пятеро, и они, только что вернувшиеся с дворового мероприятия, были возбуждены и агрессивны.

– Пошумели, что вся улица на ушах стояла, а толку – пшик!

– Такая это тварь – наш начальник.

– Хочется, чтобы он поскорее сыграл в деревянный бушлат.

– А другой, думаешь, будет лучше?

– Да, уж все они одним салом мазаны.

Обмениваясь, таким образом, зэки выпускали оставшийся пар. Они не сразу и обратили внимание на, всё ещё стоявшего Митяя.

– О! Свежачок объявился.

– Чего стоишь, как будто, попал в вагон некурящих? – наконец, один из них обратился к Митяю.

Все сразу притихли и обратили на него свои, полные злобы, зенки.

– Ну-ка, становись сюда, посмотрим, что ты за духарик.

Митяй нерешительно сделал шаг в сторону, куда ему указали, и остановился, исподлобья глядя на окружающих.

– Да, не будь ты, чем щи наливают, будь, чем кашу кладут, – подбодрил один из сидевших на нижней лежанке. Все заржали, и оттого обстановка в камере немного разрядилась.

– Говори, за что будешь чалиться? – спросил другой.

– Я... меня, – не зная, как начать, проямлил Митяй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.